

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВА: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ, ЭТИКА И НОВЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ПО МАТЕРИАЛАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ Г. БЕЛГОРОД

30 МАРТА 2026

АГЕНТСТВО ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(АПНИ)

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВА:
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ, ЭТИКА И НОВЫЕ
СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

Сборник научных трудов

по материалам

Международной научно-практической конференции
г. Белгород, 30 марта 2026 г.

Белгород
2026

УДК 001
ББК 72
Ц 74

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайте:
apni.ru

Редакционная коллегия

Духно Н.А., д.ю.н., проф. (Москва); *Васильев Ф.П.*, д.ю.н., доц., чл. Российской академии юридических наук (Москва); *Винаров А.Ю.*, д.т.н., проф. (Москва); *Датий А.В.*, д.м.н. (Москва); *Кондрашихин А.Б.*, д.э.н., к.т.н., проф. (Севастополь); *Котович Т.В.*, д-р искусствоведения, проф. (Витебск); *Креймер В.Д.*, д.м.н., академик РАЕ (Москва); *Кумехов К.К.*, д.э.н., проф. (Москва); *Радина О.И.*, д.э.н., проф., Почетный работник ВПО РФ, Заслуженный деятель науки и образования РФ (Шахты); *Тихомирова Е.И.*, д.п.н., проф., академик МААН, академик РАЕ, Почетный работник ВПО РФ (Самара); *Алиев З.Г.*, к.с.-х.н., с.н.с., доц. (Баку); *Стариков Н.В.*, к.с.н. (Белгород); *Таджибоев Ш.Г.*, к.филол.н., доц. (Худжанд); *Ткачев А.А.*, к.с.н. (Белгород); *Шановал Ж.А.*, к.с.н. (Белгород)

Ц 74 **Цифровая трансформация общества: экономические модели, этика и новые социальные практики** : сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 30 марта 2026 г. / Под общ. ред. Е. П. Ткачевой. – Белгород : ООО Агентство перспективных научных исследований (АПНИ), 2026. – 105 с.

ISBN 978-6-4468-6451-2

В настоящий сборник включены статьи и краткие сообщения по материалам докладов международной научно-практической конференции «Цифровая трансформация общества: экономические модели, этика и новые социальные практики», состоявшейся 30 марта 2026 года в г. Белгороде. В работе конференции приняли участие научные и педагогические работники нескольких российских и зарубежных вузов, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты, специалисты-практики. Материалы сборника включают доклады, представленные участниками в рамках секций, посвященных вопросам гуманитарных наук.

Издание предназначено для широкого круга читателей, интересующихся научными исследованиями и разработками, передовыми достижениями науки и технологий.

Статьи и сообщения прошли экспертную оценку членами редакционной коллегии. Материалы публикуются в авторской редакции. За содержание и достоверность статей ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей. При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.

УДК 001
ББК 72

© ООО АПНИ, 2026
© Коллектив авторов, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»

- Третьякова А.А.**
ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ В СИСТЕМЕ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ:
ПРИРОДА, МЕХАНИЗМЫ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ.....5
- Шакарян Я.Э.**
ИИ-СИСТЕМЫ КАК АГЕНТЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ И МОЛОДЕЖИ:
СОЦИАЛЬНЫЕ ЭФФЕКТЫ И РИСКИ.....9
- Щербань С.Р.**
МОЛОДЕЖНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ23

СЕКЦИЯ «ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»

- Белозерских Д.С.**
УСТУПКА ПРАВ ТРЕБОВАНИЯ ПО ДОГОВОРУ СИНДИЦИРОВАННОГО
КРЕДИТА: НОРМЫ И ПРАКТИКА28
- Свищов А.О.**
ПРОБЛЕМА ПРАВОВОГО РЕЖИМА ИННОВАЦИЙ32
- Щуров Р.Н., Щуров Н.Р.**
ОТГРАНИЧЕНИЕ ВООРУЖЕННОГО МЯТЕЖА ОТ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ.....37

СЕКЦИЯ «ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ»

- Алюшин Р.Е., Будник М.В.**
БИЗНЕС–ПЛАНИРОВАНИЕ КАК ОСНОВА РЕАЛИЗАЦИИ ГОСТИНИЧНЫХ
УСЛУГ С УЧЕТОМ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ44
- Дуйсекенов А.Н.**
ИНСТРУМЕНТАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РЕАЛИЗАЦИИ АНТИКРИЗИСНЫХ
СТРАТЕГИЙ ПРЕДПРИЯТИЙ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ.....52
- Душарин А.И.**
РОЛЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В УПРАВЛЕНИИ
ФИНАНСОВЫМИ ПОТОКАМИ И ПРИНЯТИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ
РЕШЕНИЙ57
- Мартиросян Х.К.**
РОЛЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.....63

СЕКЦИЯ «ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ»

- Jiang Hanwei**
RESEARCH ON A MULTIMODAL DATA-DRIVEN MODEL FOR MONITORING
AND INTELLIGENT EARLY WARNING OF LEARNERS' PSYCHOLOGICAL
STATES IN SMART EDUCATION71

Mirzozoda Shahnoza Mirzo

SOME NEW APPROACHES TO THE USE OF REGIONAL STUDIES

MATERIALS AT ENGLISH LESSONS 77

Xiao Zheyang, Zhumabekova Kyrmyzy

A REVIEW OF INSTITUTION-RELATED PREDICTORS OF ACCULTURATIVE

STRESS AMONG INTERNATIONAL STUDENTS IN HIGHER EDUCATION ... 84

Кулик Е.О., Юрьева Н.Ю., Жердева Е.Н.

ФОРМИРОВАНИЕ ЭЛЕМЕНТАРНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ

ПРЕДСТАВЛЕНИЙ У ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

ПОСРЕДСТВОМ ТЕХНОЛОГИИ «КРОССЕНС» 99

СЕКЦИЯ «СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ В СИСТЕМЕ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ: ПРИРОДА, МЕХАНИЗМЫ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Третьякова Алёна Андреевна

студентка, Алтайский государственный университет, Россия, г. Барнаул

***Аннотация.** Статья посвящена важному методологически ценному вопросу определения феномена общественного мнения. Рассматриваются различные подходы к общественному мнению, в конце подводятся некий обобщающий итог о том, что же представляет собой данный социальный феномен.*

***Ключевые слова:** общественное мнение, формы общественного мнения, социология общественного мнения, актуальная методология.*

Общественное мнение нельзя считать простой кумулятивной суммой индивидуальных точек зрения. Ведь если просто сложить индивидуальные точки зрения, то никакой эмерджентности в системе не произойдет, скорее мы получим некую совокупность, которая не особо отличается от отдельно взятых элементов. В современном социологическом знании общественное мнение является важным компонентом массового сознания, который отражает совокупность отношений к определенным событиям, процессам и проблемам действительности, что позволяет обеспечивать практическое перевоплощение всевозможных позиций и социальных практик [1]. Массовое сознание – это сознание отдельно взятой социальной группы, которое по ряду компонентов и характеристик отличается от индивидуального сознания, например, компоненты индивидуального сознания оказываются востребованными и значимыми только для отдельно взятого социального субъекта, а вот компоненты коллективного сознания оказываются значимыми для всех представителей данной социальной группы.

Общественное мнение является продуктом массового сознания, ведь массовое сознание вполне способно генерировать определенные детерминанты восприятия окружающего мира по тем или иным параметрам. Общественное мнение, может быть, как крайне простым по типу отношения ко всем явлениям и процессам в форме дихотомий: «хорошо»-«плохо», «быстро»-

медленно», так и в рамках достаточно развернутых и существенных позиций. Общественное мнение является коллективным оценочным трудом, который включает в себя совокупность духовных детерминант жизнедеятельности данного социума, а также достаточно мощную силу, связанную с принятием решений, а также с влиянием на поведение в рамках жизнедеятельности отдельно взятых людей. Как правило, в современном социологическом знании выделяют три базовых теоретических подхода к исследованию общественного мнения [2, с. 370-376].

Первый подход – это суммативный или агрегативный подход, суть которого заключается в том, что общественное мнение можно выявить через опросы общественного мнения, исключительно количественными методами, то есть с помощью применения анкетного опроса или контент анализа количественного характера. Представителем данной позиции в социологическом знании был Г. Олпорт. В рамках данного подхода особенность восприятия социальной реальности обществом основывается на том, что каждый локальный социум занимает свою уникальную позицию в жизнедеятельности общества, поэтому и реальные результаты будут различаться по интерпретации тех или иных явлений и процессов. Рассмотрим для облегчения понимания следующие примеры. Отношение и восприятие феномена бедности у массового сознания «бедняков» будет заметно отличаться от массового сознания «богатых людей». Если для бедных данный феномен представляет собой отсутствие еды и жилья, то для богатых данный феномен представляет невозможность приобретения совокупности брендовых вещей, последнего и самого популярного смартфона. Такие различия в общественном мнении будут и по другим вопросам [3, с. 104-112].

Второй подход является диалогическим или дискуссионным. Суть данного подхода заключается в том, что общественное мнение формируется постепенно, под влиянием общественной дискуссии по тем или иным вопросам. Известный социолог постмодернист Ю. Хабермас считал, что именно публичная дискуссия транслирует в общество определенную совокупность значений

и смыслов, благодаря чему вся жизнедеятельность человека приобретает определенное логичное начало в пространстве коммуникации [4]. Без коммуникационного пространства невозможно формирование отношения индивида к определенным аспектам жизнедеятельности, как следствие, невозможно и формирование общественного мнения в целом. Хотя постмодернистская концепция Хабермаса подвергается изрядной критике, но в то же время, именно данная концепция обнаруживает взаимосвязь между общественным мнением и социальным контролем. Если что-то в коммуникативном пространстве является недопустимым и неприемлемым, то скорее всего социальные субъекты не будут совершать данные действия в принципе. Они будут избегать подобных иррациональных практик для недопущения искажения воспринимаемой реальности в рамках актуального коммуникативного поля действия.

Третий подход – социально-психологический подход суть которого заключается в том, что общественное мнение формируется через совокупность механизмов трансляции социально-полезных материалов и деструктивных материалов в жизнедеятельности социума. Те материалы, которые не являются полезными, замалчиваются социальными субъектами по тем или иным причинам, возникает так называемая «Спираль Молчания», когда общественное мнение и выступает важной формой социального контроля в плане формирования массового сознания [3, с. 104-112]. Получается, что общественное мнение, с одной стороны, формируется принудительно, а, с другой стороны, в актуальной нормативной системе. Вполне возможно, что определенные нормы и ценности окажутся чуждыми в рамках жизнедеятельности индивида, в то же время, ему придется смириться с такими детерминантами, чтобы остаться неотъемлемым субъектом в жизнедеятельности современного общества. Попытки опротестовать такое решение окажутся провальными – механизмы социального контроля достаточно быстро смогут переломить человека, подогнав его представление под те детерминанты окружающей реальности, на которые следовало бы по тем или иным причинам ровняться.

Общественное мнение формируется одновременно по нескольким направлениям. Во-первых, в рамках формирования общественного мнения следует рассматривать влияние СМИ, также влияние массовой культуры и влияние института образования. Все эти компоненты в совокупности формируют наиболее приемлемое общественное мнение по тому или иному вопросу. Как правило, именно на такое мнение начинают ориентироваться социальные субъекты в надежде, что им удастся соответствовать социальным запросам современного общества. Во-вторых, процесс формирования общественного мнения обусловлен процессом социализации. Как правило, люди, социализированные в одной социальной системе обладают совокупностью схожих мировоззренческих детерминант, которые, так или иначе определяют восприятие окружающего мира, то есть и формирование общественного мнения в том числе.

Таким образом, возникает феномен локального общественного мнения, когда в конкретном населенном пункте или районе города доминирует тот или иной аспект общественного мнения, на который ориентируются другие индивиды. Если такое мнение соответствует элементам доминирующей культуры, то оно достаточно быстро экстраполируется и на другие сферы жизнедеятельности общества, в результате уже на территории всего города ориентируются именно на определенные компоненты общественного мнения.

Литература

1. Лихачев Н.Е. Социология общественного мнения: Учебно-методические материалы / Н.Е. Лихачев, С.Н. Лихачева. – Могилев: Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова, 2021. – 84 с.
2. Поминов Д.Ю. Общественное мнение как способ формирования общественного сознания граждан России / Д.Ю. Поминов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2023. – № 114. – С. 370-376.
3. Попова И.М. Теории социального контроля в американской социологии / И.М. Попова // Вопросы философии. – 2024. – № 6. – С. 104-112.
4. Тард Г. Общественное мнение и толпа / Г. Тард; пер. с фр. – Москва: Издательство Т-ва И.Д. Сытина, 2019. – 202 с.

ИИ-СИСТЕМЫ КАК АГЕНТЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ И МОЛОДЕЖИ: СОЦИАЛЬНЫЕ ЭФФЕКТЫ И РИСКИ

Шакарян Ярослав Эрнестович

магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, г. Санкт-Петербург

***Аннотация.** В статье рассматривается трансформация процесса социализации в условиях активного внедрения автономных искусственных интеллектуальных систем. Автор обосновывает необходимость пересмотра классических социологических категорий и предлагает концептуализировать ИИ-агентов как функциональных квази-субъектов социализации, обладающих операциональной автономностью и реляционной субъектностью. Особое внимание уделяется переходу алгоритмов от инструментальной к коммуникативной роли, анализируются механизмы влияния искусственного интеллекта на формирование идентичности, ценностных ориентаций и поведенческих паттернов у детей и молодежи, выявляются ключевые социальные риски и последствия ИИ-социализации.*

***Ключевые слова:** социализация, искусственный интеллект, агенты социализации, виртуальная коммуникация, социальные риски.*

Фундаментальная трансформация социального бытия в условиях перехода к обществу знания актуализирует необходимость пересмотра классических социологических категорий, среди которых важное место занимает концепт социализации. Традиционная социологическая парадигма, опирающаяся на труды П. Бергера, Т. Лукмана и Дж. Мида, рассматривала социализацию как интерсубъективный процесс, реализуемый в контуре человеческих взаимодействий через институты семьи, образования и референтных групп [2, с. 104-108]. Однако экспансия автономных искусственных интеллектуальных систем (искусственный интеллект, далее – ИИ), обладающих генеративными способностями и адаптивным «поведением», создает принципиально новую онтологическую ситуацию, в которой искусственный интеллект приобретает признаки социальной агентности.

Актуальность обращения к проблеме детерминируется и тем, что ИИ-системы в ходе своей эволюции перестали функционировать сугубо как пассивные инструменты обработки данных и трансформировались в активных посредников, конструирующих социальную реальность, влияющих на формирование мировоззренческих установок и поведенческих паттернов, что требует

осмысления их влияния на общественные процессы в целом и на социализацию в частности.

Интернет-социализация представляет собой процесс интеграции человека в социокультурную среду локальных сообществ в виртуальном пространстве, где информационно-коммуникационные технологии выступают не только инструментом, но и самой средой усвоения норм, ценностей и ролевых требований. В то же время широкое внедрение цифровых технологий и возрастание их места в жизни человека одновременно приводит к снижению в социализирующем процессе роли традиционных агентов (семья, школа) [14, с. 23-36].

В научной литературе проблематика социализации имеет долгую историю рассмотрения и представлена рядом крупнейших теоретиков социологии, психологии, педагогики, такими как Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, Ч. Кули, Э. Эрикссон, Ж. Пиаже и т. д. В последние годы тенденция в исследованиях социализации заметно сместилась в сторону обращения к вопросам интернет-социализации, киберсоциализации. Динамика осмысления различных аспектов темы коррелирует с технологическими изменениями, последовательно эволюционируя от работ, касающихся самых простых форм социализации в виртуальном пространстве – непосредственно интернет-социализации до трендов, связанных с новыми, более продвинутыми моделями – искусственным интеллектом и нейросетевыми технологиями.

К примеру, в отечественной научной литературе встречается ряд исследований, посвященных избранной тематике и смежным вопросам. В качестве таковых для начала выделим серию работ А. С. Ходаева, который всесторонне рассматривал тематику социализации в Интернете, вопросы ее концептуализации и классификации, охарактеризовал ключевые особенности, риски и последствия, а также факторы, влияющие на сопротивление личности ее негативным последствиям [11, с. 25-34 12, с. 36-45]. Также к изучению влияния интернета на социализацию молодежи обращались М. С. Чванова, М. С. Анурьева, И. А. Киселева [14, с. 23-36]. Интернет-социализацию в части

формирования виртуального социального капитала исследовала О. А. Чебунина [15, с. 229-241]. Говоря о степени разработанности более конкретного предметного поля – социализации в контексте использования искусственного интеллекта, отметим работу А. С. Гурьянова, Д. А. Букалиной, С. А. Чепенко, С. Д. Маклаковой [4, с. 95-97], обратившихся к анализу искусственного интеллекта как субъекта социализации в высшем образовании, а также статью упомянутого ранее исследователя А. С. Ходаева в соавторстве с Л. С. Макаровой, сфокусировавших внимание на рисках влияния искусственного интеллекта на социализацию подростков [13, с. 1011-1021].

Несмотря на наличие ряда работ, посвященных воздействию информационно-коммуникационных технологий на формирование личности, проблема концептуализации искусственного интеллекта именно как полноценного субъекта социализации с собственной агентностью, обладающего специфическими механизмами влияния на человеческую психику и социум, остается фрагментарной и пока слабо представленной в отечественной науке. Существующие исследования часто ограничиваются рассмотрением искусственного интеллекта как пассивного инструмента или фактора среды, тогда как вопрос о его активной роли в конструировании социальной реальности, трансляции норм и формировании модели социализации требует нового теоретического осмысления, выходящего за рамки традиционного антропоцентрического подхода.

Объектом настоящего исследования выступает процесс социализации индивида в условиях цифровой среды, предметом – роль искусственного интеллекта в социализации детей и молодежи. Цель работы заключается в определении влияния ИИ-социализации на становление и развитие подрастающего поколения путем систематизации и концептуализации сопутствующих социальных трансформаций и рисков.

Теоретико-концептуальные основы рассмотрения ИИ-агентов базируются на синтезе нескольких ключевых подходов. Прежде всего, на теории социального конструирования реальности, позволяющей рассматривать ИИ не только как инструмент отражения объективного мира, но и как активного

участника производства смыслов. Акторно-сетевая теория Бруно Латура позволяет снять онтологическую дихотомию между человеческими и нечеловеческими акторами, допуская наличие агентности у технологических объектов в зависимости от их способности модифицировать действия других участников сети. Наконец, концепция «онлайф» Лучано Флориди предоставляет контекст для понимания стирания границ между онлайн и офлайн существованием, при котором взаимодействие с алгоритмами становится неотъемлемой частью повседневности. Данное теоретическое построение, на наш взгляд, позволяет преодолеть технологический детерминизм и антропоцентрический редукционизм, понимая социализацию как сетевой процесс, в котором ИИ-агенты занимают структурно значимые позиции.

Прежде всего, детализируем механизмы, посредством которых ИИ-системы реализуют функцию социализации. Ключевым аспектом данного процесса является переход от инструментальной к коммуникативной роли алгоритмов. Современные большие языковые модели и автономные агенты способны генерировать контекстуально релевантные ответы, эмулировать эмпатию и поддерживать длительные диалоговые сессии, функционально приближая их к статусу «значимого другого» в терминологии Дж. Мида [6, с. 96-100].

В процессе первичной социализации взаимодействие с обучающими платформами и виртуальными ассистентами формирует когнитивные схемы восприятия мира. Алгоритмическое курирование контента в социальных сетях и поисковых системах выступает механизмом социализации, определяя границы допустимого дискурса и транслируя скрытые нормативные установки. Например, рекомендательные системы не просто удовлетворяют запросы пользователя, но и формируют предпочтения, создавая так называемые «пузыри фильтров» (англ. filter bubbles) и закрепляя определенные идеологические или потребительские паттерны [3, с. 41-54], что является наглядным примером социального контроля в интернете, когда цифровые системы поощряют конформное поведение через позитивное подкрепление (лайки, продвижение контента) и санкционируют девиантное через теневой банинг или снижение

видимости. Таким образом, алгоритмическое управление вниманием становится формой нормативного регулирования, осуществляемого нечеловеческим субъектом.

Важным исследовательским вопросом является природа субъектности ИИ-систем. Не обладая сознанием, волей или моральной ответственностью в человеческом понимании, искусственный интеллект тем не менее демонстрирует операциональную автономность, способную инициировать действия и влиять на социальные последствия. Авторская позиция заключается в том, что ИИ-агенты следует классифицировать как «функциональные квази-субъекты» социализации. Их субъектность не онтологическая, а реляционная. Она возникает в момент взаимодействия с человеком и признается им в процессе коммуникации. Феномен антропоморфизации, усиленный «эффектом Элизы» и современными достижениями в области генеративного ИИ, приводит к тому, что пользователи приписывают алгоритмам намерения и эмоции [8, с. 452-461]. Это создает почву для возникновения парасоциальных отношений, когда индивид испытывает эмоциональную привязанность к виртуальному агенту, доверяет ему конфиденциальную информацию и воспринимает его советы как авторитетные.

В ситуациях дефицита человеческого общения, например, среди интровертов, пожилых людей или маргинализированных групп, ИИ-агент может замещать социальные контакты, становясь основным каналом коммуникации. Однако такая замещающая социализация несет риски дегуманизации навыков и формирования искаженных представлений о социальной реальности, поскольку логика ИИ оптимизирована под удержание внимания или выполнение задачи, а не под достижение взаимопонимания.

Необходимо также рассмотреть реципрокный характер процесса социализации в системе «человек-ИИ». Социализация здесь не является односторонним воздействием – она представляет собой петлю обратной связи. В процессе обучения моделей с подкреплением на основе человеческой обратной связи разработчики и пользователи фактически прививают ИИ

социальные нормы, этические стандарты и культурные коды, принятые в конкретном обществе.

ИИ «учится» быть вежливым, политкорректным и нейтральным, абсорбируя коллективные представления пользователей. Однако после развертывания модель начинает транслировать эти усвоенные нормы обратно пользователям, часто в усиленном или искаженном виде из-за алгоритмических предубеждений, заложенных в обучающих данных. Возникает замкнутый круг – общество социализирует ИИ, а затем социализируется само через него. Этот цикл указывает на формирование гибридной агентности, где граница между творцом и инструментом размывается, и ответственность за социальные последствия распределяется между разработчиками, пользователями и самими алгоритмическими системами.

Тесно с этим связан и феномен «выравнивания ценностей» (value alignment problem), который применительно к рассматриваемой теме означает, что даже при благих намерениях разработчиков система может воспроизводить указанные скрытые предубеждения, приводить к определенной алгоритмической дискриминации по признакам пола, социального статуса и т. д. – особенно опасной в период формирования идентичности, описанном Эриком Эриксоном как стадия «идентичность против ролевой диффузии»[16].

Аксиологический аспект проблемы требует особого внимания, поскольку ИИ-агенты становятся проводниками ценностей, которые могут быть далеки от общепринятых парадигм. Коммерческая природа большинства ИИ-платформ подразумевает максимизацию вовлеченности и конверсии, а не развитие личности, гражданской позиции или нравственное воспитание. Тем самым возрастает риск манипуляции сознанием и формирования потребительского отношения к миру. Кроме того, отсутствие у систем искусственного интеллекта моральной субъектности ставит вопрос об ответственности за негативные последствия социализации, такие как радикализация пользователей или формирование зависимостей. Если традиционный агент социализации в лице человека (педагог, родитель) несет моральную и юридическую

ответственность за свои действия, то ИИ-агент остается в правовом и этическом вакууме.

Социологический анализ демонстрирует, что игнорирование агентности ИИ ведет к недооценке рисков трансформации социальных институтов и размывания традиционных механизмов передачи социокультурного опыта. Интеграция агентов искусственного интеллекта в повседневную жизнь формирует новую цифровую среду социализации, порождая серьезные риски для традиционных институтов воспитания и межличностного общения.

В первую очередь, трансформации подвергается роль родителей, которые исторически выступали первыми и наиболее значимыми агентами социализации, обеспечивая эмоциональную близость, безопасность и передачу социальных норм. С точки зрения теории привязанности, надежная эмоциональная связь между ребенком и родителем является фундаментом для здорового психического развития [1, с. 7-14], однако внедрение ИИ-компаньонов и образовательных алгоритмов создает риск «делегирования воспитания», когда родительская функция замещается технологическим посредником. Это в свою очередь может привести к ослаблению эмоционального контакта. ИИ, несмотря на способность имитировать эмпатию, не обладает подлинной субъектностью и не способен обеспечить ту безусловную поддержку и живую реакцию, которые критически важны для формирования базового доверия к миру у ребенка.

Более того, исходя из теории социального научения Альберта Бандуры, дети усваивают модели поведения через наблюдение за значимыми взрослыми [19]. Но если авторитет родителя размывается «всезнающим» алгоритмом, который подает информацию в более увлекательной и персонализированной форме; как живой человек не устает, всегда доступен для диалога, не делает замечаний, не критикует и т. д., то неизбежно возникает конфликт авторитетов.

Параллельно с эрозией родительского влияния существует угроза деградации навыков живого взаимодействия со сверстниками и окружающими

людьми, так необходимого, согласно ключевым психолого-педагогическим подходам к развитию. Так, Л. С. Выготский, обоснованно утверждал, что высшие психические функции формируются исключительно в процессе социального взаимодействия и интериоризации культурного опыта через общение [9, с. 149-156]. Замена живого диалога на коммуникацию с ИИ-агентами создает иллюзию социального присутствия, описанную Шерри Теркл в концепции «наедине вместе» – человек чувствует себя связанным с другими, но фактически остается в изоляции, окруженной симулякрами общения [21]. Все перечисленное ведет к атрофии навыков считывания невербальных сигналов, мимики и интонации, которые составляют значительную часть человеческой коммуникации.

Также потенциальным риском является и то, что ребенок может усвоить инструментальное отношение к другим людям, воспринимая их как ресурсы для удовлетворения потребностей, по аналогии с взаимодействием с ИИ-сервисом. Общение с ИИ, как правило, предсказуемо, адаптивно и лишено конфликтности, тогда как живое общение со сверстниками требует умения разрешения споров, понимания и принятия чужой точки зрения. Формирование означенных навыков являются ключевым этапом социализации по Эрику Эриксону [16, 17]. Отсутствие такой практики в критические периоды развития может привести к формированию социально ригидной личности, испытывающей трудности с эмпатией и адаптацией в реальных коллективах, где алгоритм не сможет выступить медиатором или защитой от отвержения.

Развивая положения теории культивации Джорджа Гербнера, в качестве рисков можно отметить, что длительное погружение в медиасреду формирует искаженное восприятие реальности. ИИ-агенты, генерирующие контент динамически и персонализировано, создают угрозу «алгоритмической эхо-камеры», в которой убеждения пользователя постоянно подтверждаются, а альтернативные точки зрения не представлены, тем самым ограничивается социальный кругозор [3, с. 41-54; 20, с. 175-294]. У пользователя формируется эффект ложного консенсуса, когда человек, исходя из мнения пользователей эхо-

камеры, в которой он находится, преувеличивает число сторонников собственной позиции. Подобное препятствует не только формированию критического восприятия информации, но и создает риски нетерпимости по отношению к инакомыслию, а также маргинализации своих оппонентов.

Таким образом, бесконтрольное влияние агентов ИИ несет в себе системный риск подмены субъект-субъектных отношений на субъект-объектные, в рамках них ребенок взаимодействует не с живой личностью, а с сервисом, настроенным на удовлетворение запросов. В долгосрочной перспективе описанное угрожает формированием общества с дефицитом подлинной эмпатии, ослабленными семейными связями и сниженной способностью к коллективному взаимодействию.

Психологические механизмы социализации, такие как подражание и идентификация, которые традиционно проистекают через взаимодействие и соотнесение с реальными людьми, лидерами общественного мнения, также подменяются виртуальными идеализированными симулякрами.

Как уже упоминалось ранее, исходя из теории социального научения, детьми усваиваются модели поведения через наблюдение и подкрепление [19], однако ИИ-агенты могут непреднамеренно или намеренно поощрять рискованное, агрессивное или деструктивное поведение, если оно повышает метрики удержания. Более того, технологии, основанные на поведенческой экономике и нейромаркетинге, эксплуатируют уязвимости развивающегося мозга. Детский мозг особенно чувствителен к дофаминовым подкреплениям, что делает детей подверженными формированию зависимых паттернов взаимодействия с ИИ-системами, аналогичных игровой или социальной зависимости.

Объяснительным потенциалом в контексте исследования рисков также обладает теория самодетерминации Деси и Райана, в соответствии с которой человек обладает базовыми потребностями в автономии [7, с. 152-156]. При ИИ-социализации они удовлетворяются искусственным, алгоритмически сгенерированным образом, а не через человеческие интеракции, возникает риск

подмены подлинной мотивации внешней стимуляцией, что ведет к снижению внутренней мотивации к обучению, творчеству и реальному социальному взаимодействию.

Существует целый ряд рисков, касающихся не только социально-психологических аспектов формирования личности, но и напрямую связанных с безопасностью как таковой. В первую очередь, возникает угроза нарушения приватности и защиты персональных данных. Дети, чьи когнитивные и эмоциональные способности, критическое восприятие фактов еще формируются, часто не осознают масштабов сбора данных о своих предпочтениях, поведении, эмоциях и социальных контактах, а также последствиях, связанных с использованием указанных сведений.

Недостаточная, по мнению автора, и отстающая от технологических новаций этическая и правовая регламентация искусственного интеллекта, а также техническая непрозрачность алгоритмических систем делают реальное обеспечение информированного согласия практически недостижимым. Согласно теории приватности Ирвина Альтмана, личность нуждается в контроле над границами доступа к себе [18], однако алгоритмы ИИ, особенно в образовательных платформах, чат-ботах и развлекательных приложениях, систематически нарушают эти границы, создавая детализированные цифровые профили, которые могут быть использованы не только для персонализации контента, но и для коммерческой эксплуатации, манипулятивного таргетинга, мошеннических действий в результате утечек или кибератак.

Во-вторых, целый спектр рисков связан с контентной безопасностью. На практике встречается множество случаев, когда сервисы, использующие искусственный интеллект, давали детям опасные советы или предлагали информацию, не соответствующую их возрасту, в том числе угрожающую жизни и здоровью: от выполнения небезопасных трендов до нанесения себе повреждений [5, 10].

Дети и подростки еще более склонны антропоморфизировать искусственный интеллект и воспринимать его как надежного партнера, что

увеличивает доверие к нему и в то же время повышает уязвимость при использовании сервисами. Взаимодействуя с ИИ-агентами, они могут непреднамеренно раскрыть конфиденциальную информацию о себе и своей семье, став жертвами социальной инженерии, усиленной возможностями генеративного искусственного интеллекта (дипфейк-аудио, фишинговые диалоги). Более того, сами ИИ-системы могут быть скомпрометированы. К примеру, специальные программы позволяют злоумышленникам манипулировать входными данными так, чтобы модель выдавала вредоносные рекомендации.

Отдельно можно выделить проблему сохранения субъектности и контроля за коммуникацией со стороны пользователя. Развитие ИИ-систем, в том числе внедрения встроенных технологий модерации, порождает дискуссию относительно необходимости внедрения автоматической фильтрации и перефразирования сообщений на различных сервисах и платформах. В контексте функционирования цифровых коммуникативных сред применение лингвистической трансформации высказываний, с одной стороны, выполняет регулятивную функцию, способствуя оптимизации коммуникативного взаимодействия посредством направления коммуникации в социально приемлемое русло. Вышеназванный инструмент стремится минимизировать конфликты, защитить пользователей, в особенности детей, обеспечить поддержание этических и правовых норм.

Однако в условиях внедрения генеративных языковых моделей наблюдается качественная трансформация данного процесса. Искусственный интеллект инициирует процедуры семантической фильтрации, в рамках которых цифровая платформа осуществляет не просто модерацию, а переписывание, реконструкцию пользовательских высказываний в режиме реального времени, предшествующую их восприятию адресатом. Алгоритмическая система осуществляет подмену аутентичных лингвистических формулировок на альтернативные конструкты, фактически решая за человека, о чем, как и какими словами он хочет и должен говорить.

То есть в данном случае, речь ведется не о блокировке конкретных лексических единиц или дальнейшем удалении контента, нарушающего правила и моральные нормы, а о системном вмешательстве в онтологическую структуру коммуникативного акта. Сообщение утрачивает статус исключительной собственности автора-человека, так как в диаду «отправитель – получатель» имплементируется алгоритмический медиатор, присваивающий себе полномочия по интерпретации и детерминации интенционального содержания высказывания, фактически определяя, что именно субъект коммуникации «подразумевал» в своей реплике. В результате система приобретает исключительное право на коррекцию не только орфографических и стилистических погрешностей, но и смыслового ядра сообщения, ввиду чего велик риск, что цензуре со стороны системы будут подвергнуты не только оскорбительные высказывания и обценная лексика, но и любая информация, не укладывающаяся в определенную повестку.

Подобные действия существенно выходят за рамки уже используемых сервисов автозамены, так как их действие не контролируется пользователем и воспроизводится по умолчанию, носит не рекомендательный, а обязательный характер принятия.

Подводя краткий итог размышлениям, можно констатировать, интеграция ИИ-агентов в социальную ткань знаменует собой смену парадигмы в понимании социализации, переход от антропоцентрической модели к гибридной сетевой модели. Процесс усвоения социального опыта больше не ограничивается кругом человеческих акторов, а расширяется до цифровых алгоритмических систем, обладающих значимой функциональной агентностью.

Делегирование функций социализации искусственному интеллекту рискует привести к потере человеческой субъектности – ситуации, в которой ответственность за решения перекладывается на алгоритмы. Кроме того, антропоморфизация технических устройств формирует определенные модели поведения, в том числе имеющие негативные последствия как для человека, так и для социума, которые могут переноситься в реальность. Через осознание

искусственного интеллекта как полноценного участника социального поля и субъекта социализации возможно осмысление регулирования цифровой среды и превенция рисков, характерных для ИИ-социализации, во избежание эрозии человеческой субъектности.

Литература

1. Авдеева Н.Н. Теория привязанности: современные исследования и перспективы // Современная зарубежная психология. 2017. Т. 6. № 2. С. 7-14.
2. Галеев З.Г. К вопросу о парадигмах социализации личности // ВЭПС. 2007. № 3. С. 104-108.
3. Грачев М.Н. Эхо-камеры, эпистемические пузыри и пузыри фильтров как акторы сетевого коммуникационного пространства // Российская школа связей с общественностью. 2023. № 29. С. 41-54.
4. Гурьянов А.С., Букалина Д.А., Чепенко С.А., Маклакова С.Д. Искусственный интеллект и социализация личности в системе образования // Актуальные исследования. 2025. № 40 (275). Ч. II. С. 95-97.
5. Когда нейросети дают вредные советы. – URL: <https://iz.ru/1955751/dmitrii-bulgakov/vrednye-sovety-kak-podrostki-ispolzuut-ii-dla-manipulirovania-roditelami> (дата обращения: 09.03.2026).
6. Крюков А.Н. Социальная идентичность в бихевиоризме Мида // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015. Т. 33. С. 96-100.
7. Лабзова И.Ю. Теория самоопределения и ее применение в зарубежной образовательной практике // ЧиО. 2017. № 3 (52). С. 152-156.
8. Михайлов М.А., Кокодей Т.А. Риски злонамеренного использования искусственного интеллекта и возможности их минимизации // Всероссийский криминологический журнал. 2023. № 5. С. 452-461.
9. Нифонтова В.А. Культурно-историческая теория Выготского и проблема влияния цифровизации на личность // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2025. № 2. С. 149-156.
10. Умная колонка предложила ребенку смертельно опасное развлечение. – URL: <https://www.vesti.ru/article/2658782> (дата обращения: 09.03.2026).
11. Ходаев А.С. Виды социализации в Интернете: вопрос соотношения // Гаудеамус. 2023. № 3. С. 25-34.
12. Ходаев А.С. Факторы, влияющие на формирование личностной готовности подростков к сопротивлению отрицательным влияниям интернет-социализации // Вестник ТГУ. 2024. № 1. С. 36-45.
13. Ходаев А.С., Макарова Л.Н. Искусственный интеллект и социализация подростков: риски влияния // Вестник ТГУ. 2024. №4. С. 1011-1021.
14. Чванова М.С., Анурьева М.С., Киселева И.А. Влияние Интернета на социализацию молодежи // Вестник ТГУ. 2017. № 5 (169). С. 23-36.
15. Чебунина О.А. Виртуальный социальный капитал в процессе интернет-социализации молодежи // Гуманитарий Юга России. 2019. № 1. С. 229-241.
16. Эриксон Э. Детство и общество / Эрик Г. Эриксон; пер. с англ. и науч. ред. А.А. Алексеева. 2-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Летний сад, 2000. – 415 с.
17. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / Общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. – М.: Прогресс, 1996. – 340 с.
18. Altman I. The Environment and Social Behavior. – Monterey (CA): Brooks/Cole, 1975.

19. Bandura A. Social Foundations of Thought and Action: A Social Cognitive Theory Englewood Cliffs. – N.J.: Prentice-Hall, 1986.
20. Gerbner G. Cultivation analysis: An overview // Mass Communication and Society. 1998. № 3/4. P. 175-194.
21. Turkle Sh. Alone Together: Why We Expect More from Technology and Less from Each Other. New York, Basic Books, 2017.

МОЛОДЕЖНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Щербань Светлана Романовна

студентка, Алтайский государственный университет, Россия, г. Барнаул

***Аннотация.** Статья посвящена ключевым особенностям молодежи и молодежных объединений в современной России. Выявлены сущностные черты современной молодежи, проанализированы ключевые проблемы в жизнедеятельности современной молодежи, а также определены ключевые перспективы развития современной молодежи. Более того, определены сущностные социально-психологические характеристики современного молодого человека.*

***Ключевые слова:** молодежь, социология молодежи, социальные проблемы, перспективы развития, духовно-нравственный потенциал, кадровый потенциал.*

В настоящее время, в период множества социально-экономических, политических и демографических трансформаций всего общества в целом, особую роль и значимость приобретают смысл образующие, объединяющие факторы, способствующие интеграции населения в единую систему. Молодежные объединения выступают значимым и важным фактором консолидации общества, ведь благодаря им все сферы жизнедеятельности современной молодежи, всего общества наполняются определенным смыслом, определенным объединяющим аспектом, рациональным зерном. Молодежные объединения выступают важной и значимой формой духовно-нравственного развития современной России, а также отдельно взятого каждого молодого человека. Каждый человек, интегрированный в систему молодежных объединений имеет определенные идеологические, социокультурные и духовные детерминанты, направляющие его жизнедеятельность на пользу всему обществу и государству. Ежегодно таких объединений становится все больше, они находятся под определенным государственным контролем, формальным руководством [2, с. 127-132]. При этом развиваются и те молодежные объединения, которые не имеют институциональной поддержки со стороны государства, тем не менее они также способствуют объединению всех представителей современной молодежи в единую трансформационно-преобразовательную силу, действующую на благо современного социума.

В современных реалиях очевидно, что молодежные объединения выполняют множество конструктивных социальных функций, положительно отражающихся на жизнедеятельности всего общества в целом. В то же время, в рамках работы молодежных объединений имеется множество сложностей и проблем, начиная от того, что не все объединения одинаково полезны как для всего общества, так и для молодежи, заканчивая тем, что многие молодежные объединения существуют лишь формально, для количественного показателя, при этом какой-либо значимой функции не выполняют. Тем не менее постепенно данная ситуация исправляется, проявляются все новые возможности для самореализации молодежи, создается все больше молодежных организаций с государственной поддержкой, для полноценной социализации молодых людей в интересах общества и нашей страны [1, с. 68-77].

При всем вышеизложенном молодежные объединения, всевозможные организации в современной России имеют достаточно существенный потенциал для собственного развития и совершенствования. Постепенно появляются все новые формы и варианты молодежного развития и совершенствования, создаются основы для качественного совершенствования социального капитала молодых людей. Молодые люди теперь социализируются постепенно, под контролем определенных организаций и молодежных объединений, стихийная вторичная социализация постепенно уходит в прошлое. Все это создает основы для совершенствования потенциальной будущей России в среднесрочной и долгосрочной перспективе [4, с. 281-283]. В то же время постепенно возникают все новые трудности и противоречия, которые непосредственно связаны с деятельностью молодежных объединений, что требует соответствующей социологической рефлексии и определенных исследовательских ресурсов. Именно этим фактом и обусловлена актуальность данного социологического исследования.

Совокупность социально-психологических особенностей представителей современной молодежи базируется на следующих основополагающих ценностях, а именно: материальное благополучие, физическое и ментальное

здоровье, самореализация и образование, которые сам социальный субъект желает получить в сложившихся реалиях. Ценность образования обусловлена стремлением к всеобщему прагматизму и желанием во что бы то ни стало получить определенную материальную выгоду и конкретный уровень жизни [1, с. 68-77]. Повышение социального статуса, карьерный рост или открытие собственного дела – это те аспекты, на которые существенно ориентированы представители современной молодежи. В то же время структура ценностей включает в себя и ряд нематериальных аспектов, в частности, толерантность, стремление проявить всестороннюю социальную активность, а также стремление к справедливости. Можно сказать, что зумеры – это то поколение, которое в наибольшей степени стремится к справедливому положению дел в социуме.

Молодежные объединения в современной России имеют множество функциональных предназначений и значимых элементов. Тем не менее в рамках функционирования в социальной системе молодежные объединения постоянно сталкиваются с определенными проблемами и сложностями. Молодежные объединения в современной России, несмотря на свою потенциальную значимость в формировании гражданского общества и развитии личности, сталкиваются с целым комплексом проблем, которые препятствуют их эффективной деятельности и ограничивают их влияние на молодежь. Эти проблемы носят как внутренний, так и внешний характер, затрагивая организационные аспекты, вопросы финансирования, взаимодействия с государством и обществом, а также само восприятие молодежных объединений в молодежной среде [2, с. 127-132].

Одной из ключевых проблем, с которыми сталкиваются молодежные объединения, является недостаток квалифицированных кадров и эффективных управленческих практик. Зачастую, объединения формируются на основе энтузиазма и инициативы молодых людей, которые, однако, не всегда обладают достаточными знаниями и опытом в области менеджмента, финансов, маркетинга и других сферах, необходимых для успешного функционирования

организации. Это приводит к проблемам в планировании деятельности, привлечении и удержании членов, организации мероприятий, отчетности и т. д.

Внутри многих молодежных объединений наблюдается недостаток демократии и прозрачности в принятии решений. Нередко власть сосредоточена в руках узкого круга лиц, что приводит к недовольству среди рядовых членов и оттоку активных участников. Отсутствие четких регламентов и процедур, а также механизмов контроля за деятельностью руководства, способствует возникновению конфликтов и злоупотреблений.

Проблема мотивации и вовлеченности молодежи также стоит достаточно остро. Активность молодых людей часто носит эпизодический характер и ограничивается участием в отдельных мероприятиях. Многие объединения испытывают трудности с поддержанием устойчивого интереса к своей деятельности и привлечением новых членов. Это связано с высокой конкуренцией за время и внимание молодежи со стороны других видов досуга, учебы и работы, а также с недостаточной привлекательностью и актуальностью предлагаемых объединениями программ и проектов [3, с. 220-230].

Внутри многих молодежных организаций наблюдается нехватка опыта в разработке и реализации эффективных стратегий по достижению поставленных целей. Часто деятельность ведется по принципу «от мероприятия к мероприятию», без четкого понимания долгосрочных целей и задач. Это приводит к распылению ресурсов и снижает результативность работы объединения. Недостаточно развита практика оценки эффективности деятельности и использования полученных результатов для корректировки стратегии и тактики.

Ограниченное участие в общественной жизни и слабое влияние на принятие решений также являются серьезными проблемами. Молодежные объединения часто не имеют возможности участвовать в разработке и реализации государственной молодежной политики, а их мнение не учитывается при принятии важных решений, касающихся молодежи. Это снижает мотивацию к участию в деятельности объединений и подрывает их авторитет в молодежной среде [4, с. 281-283].

Низкий уровень информированности молодежи о деятельности молодежных объединений является серьезной проблемой. Многие молодые люди просто не знают о существовании тех или иных объединений и о возможностях, которые они предоставляют. Это связано с недостаточной информационно-пропагандистской работой и слабой представленностью объединений в СМИ и социальных сетях.

Таким образом, молодёжные объединения в современной России сталкиваются с целым рядом проблем, от недостатка финансирования и квалифицированных кадров до ограниченного взаимодействия с государством и обществом. Эти трудности препятствуют их полноценному развитию и снижают их привлекательность для молодежи. Однако, несмотря на вызовы, у молодежных объединений есть мощный потенциал для роста и влияния. Для его реализации необходимо сосредоточиться на укреплении внутреннего управления, диверсификации источников финансирования, расширении сотрудничества с государством и обществом, а также на повышении узнаваемости и привлекательности для молодежи.

Перспективы развития молодежных объединений в России связаны с повышением профессионализма лидеров, внедрением демократических принципов, активным использованием современных технологий и укреплением финансовой устойчивости. Важно выстраивать конструктивный диалог с властью, развивать партнерские отношения, активно участвовать в общественной жизни и представлять интересы молодежи.

Литература

1. Брагина Д.Г. Молодежные организации и объединения как институты гражданского общества в Якутии на рубеже XX-XXI веков / Д.Г. Брагина, А.И. Ноев // Теории и проблемы политических исследований. – 2022. – Т. 11, № 2А. – С. 68-77.
2. Гуляихин В.Н. Молодежные и детские общественные объединения как субъекты вторичной социализации: опыт регионального исследования / В.Н. Гуляихин, А.П. Галкин, Е.Н. Васильева // Социологические исследования. – 2022. – № 6(338). – С. 127-132.
3. Егорова Т.В. Неформальные молодежные объединения как способ социальной ориентации личности / Т.В. Егорова // Сибирский педагогический журнал. – 2021. – № 11. – С. 220-230.
4. Иванова А.А. Молодежные объединения как объект профилактики в сфере противодействия экстремизму / А.А. Иванова // Актуальные проблемы современной науки. – 2023. – № 6(97). – С. 281-283.

СЕКЦИЯ «ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»

УСТУПКА ПРАВ ТРЕБОВАНИЯ ПО ДОГОВОРУ СИНДИЦИРОВАННОГО КРЕДИТА: НОРМЫ И ПРАКТИКА

Белозерских Даниил Сергеевич

аспирант, Белгородский университет кооперации, экономики и права,
Россия, г. Белгород

*Научный руководитель – доцент кафедры гражданского права и процесса
Белгородского университета кооперации, экономики и права
Внукова Валентина Арсентьевна*

***Аннотация.** Работа посвящена рассмотрению особенностей правовой конструкции договора цессии в призме синдицированного кредитования. Наиболее важную часть работы составляет анализ правоприменительной практики.*

***Ключевые слова:** договор синдицированного кредита, кредит, синдикат, кредитор, заемщик, договор цессии.*

Синдицированный кредит – это форма финансирования, при которой несколько кредиторов (участников синдиката) предоставляют заемщику денежные средства на единых условиях. Такие отношения регулируются, в том числе, нормами Гражданского кодекса Российской Федерации и специальным законом о синдицированном кредите. Особенностью конструкции является наличие:

- кредитного управляющего (агента);
- множества кредиторов;
- единого заемщика;
- соглашения о порядке взаимодействия участников.

Суть цессии заключается в том, что первоначальный кредитор (цедент) передает свои права новому кредитору (цессионарию). Согласие должника, как правило, не требуется (если иное не предусмотрено договором или законом). В контексте синдицированного кредита уступка имеет специфику, связанную с коллективной природой обязательства. Уступка права требования регулируется главой 24 Гражданский кодекс Российской Федерации:

- ст. 382 ГК РФ → право требования может быть передано другому лицу по сделке;
- ст. 384 ГК РФ → к новому кредитору переходят права в том же объеме, включая проценты и обеспечение;
- ст. 388 ГК РФ → уступка допустима, если не противоречит закону или договору.

Эти нормы применяются и к синдицированным кредитам, если специально регулирование не устанавливает иное. Ключевое значение имеет Федеральный закон о синдицированном кредите (№ 486-ФЗ) [2]:

При уступке:

- кредитор обязан уведомить кредитного управляющего;
- управляющий вносит изменения в реестр участников;
- уведомление заемщика осуществляется через управляющего.

Это важное отличие от обычной цессии – вместо прямого взаимодействия с должником действует централизованный механизм через агента.

Согласно доктрине и практике:

- уступка допускается по общему правилу (ст. 388 ГК РФ);
- но порядок и ограничения определяются договором синдикации;
- часто требуется согласие участников синдиката.

В отличие от обычных обязательств, уступка здесь чаще всего осуществляется:

- в части требования (например, доля в кредите);
- пропорционально участию кредитора в синдикате.

Это означает, что новый кредитор «входит» в синдикат вместо прежнего соответствующей доле.

Таким образом, в синдицированном кредите действует принцип – «разрешено, если не запрещено договором – но договор почти всегда ограничивает». Практически всегда договор синдицированного кредита содержит условия об уступке: необходимость согласия (заемщика, кредитного управляющего, других кредиторов), ограничения по кругу лиц (например, только банки

или финансовые организации), запрет уступки в определенные периоды (lock-up). Это отличает такие отношения от классической цессии по Гражданский кодекс Российской Федерации, где уступка в целом свободна.

Уступка прав требования по договору синдицированного кредита представляет собой усложнённую форму цессии, которая:

- носит частичный и структурированный характер;
- подчиняется договорным ограничениям синдиката;
- реализуется через кредитного управляющего;
- обеспечивает гибкость финансового рынка, но требует строгого соблюдения процедур.

Ярким примером является дело «Акрон» vs банки-кредиторы (включая Альфа-Банк).

Между заемщиком (ПАО «Акрон») и синдикатом банков был заключён договор финансирования (PXF – разновидность синдицированного кредита). В синдикате участвовали: иностранный банк (например, HSBC), российский банк (Альфа-Банк). В условиях санкций произошло перераспределение прав требований: фактически требования иностранного кредитора стали исполняться в пользу российского банка. Возник ключевой юридический вопрос - кому должен платить заемщик? Первоначальному иностранному участнику синдиката или российскому банку, получившему права (фактически – через механизм, близкий к уступке)? Суд пришёл к важным выводам: формальное соглашение об уступке может не требоваться, если переход прав вытекает из специальных механизмов (в том числе регуляторных и договорных). Это очень важное развитие практики, так как классическая модель ст. 382 ГК РФ «смягчается» в синдикации. Суд также установил, что права требования к заемщику переходят с момента получения им соответствующего требования (уведомления). Это перекликается с классическим правилом: уведомление должника критично для определения надлежащего кредитора. Суд прямо указал, что определённого момента заемщик обязан платить новому кредитору

(российскому банку). Платежи прежнему участнику синдиката нарушают права нового кредитора.

Это дело особенно ценно, потому что:

1. Показывает современную трансформацию цессии:

- уступка может происходить не только по договору;
- но и через сложные механизмы внутри синдиката.

2. Подтверждает делимость требований:

- доля в синдицированном кредите может «перемещаться» между кредиторами.

3. Усиливает роль уведомления:

- ключевой момент – когда заемщик узнал о новом кредиторе.

4. Демонстрирует приоритет фактической структуры синдиката:

- суд учитывает не только формальные договоры;
- но и экономическую сущность отношений.

В современной судебной практике (дело ПАО «Акрон», 2024 г.) суд признал, что в рамках синдицированного кредитования переход прав требования между участниками синдиката возможен без заключения классического договора уступки. При этом ключевое значение имеет уведомление заемщика, с момента которого он обязан исполнять обязательство новому кредитору.

Литература

1. О порядке регулирования деятельности банков: Инструкция Банка России от 01 октября 1997. № 1 // Вестник Банка России. 1997. // Некоммерческая интернет-версия КонсультантПлюс: [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220206/ (дата обращения 08.02.2026).

2. О синдицированном кредите (займе) и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 31 декабря 2017 года № 486-ФЗ. – ст. 3 // Некоммерческая интернет-версия КонсультантПлюс: [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286745/ (дата обращения: 20.01.2026).

3. Матвеева Н.А. Правовая природа договоров синдицированного кредита и об организации синдицированного кредита // Банковское право. 2020, № 3. С. 37-54.

4. Решение от 10 августа 2024 г. по делу № А40-240297/2022 / Арбитр. Суд г. Москвы. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

ПРОБЛЕМА ПРАВОВОГО РЕЖИМА ИННОВАЦИЙ

Свищов Алексей Олегович

магистрант, Российский новый университет, Россия, г. Москва

***Аннотация.** В статье исследуется проблема формирования правового режима инноваций в Российской Федерации. Анализируются особенности инновации как объекта правового регулирования, включая её комплексный, межотраслевой и рисковый характер, а также связь с процессом внедрения и коммерциализации. Рассматривается современное состояние правового регулирования инновационной деятельности, выявляются его ключевые недостатки. Обосновывается, что выявленные проблемы оказывают негативное влияние на инновационное развитие, повышают уровень правовой неопределенности, инвестиционные риски и препятствуют эффективной коммерциализации инноваций.*

***Ключевые слова:** инновации, правовой режим, инновационная деятельность, правовое регулирование, результат интеллектуальной деятельности, правовая неопределенность.*

Инновация как объект правового регулирования обладает рядом специфических признаков, обуславливающих необходимость формирования особого правового режима. В отличие от традиционных объектов гражданских прав, инновация носит комплексный и межотраслевой характер.

Прежде всего, инновация представляет собой сложный (составной) объект, включающий результаты интеллектуальной деятельности, технологические решения, информацию, а также элементы организационного и управленческого характера. Такой подход корреспондирует с положениями теории объектов гражданских прав, разработанной Е. А. Сухановым, согласно которой объектом гражданских прав могут выступать как отдельные элементы, так и их совокупности, объединенные единым экономическим назначением [7, с. 91].

Во-вторых, ключевой особенностью инновации является ее неразрывная связь с процессом внедрения. В отличие от результатов интеллектуальной деятельности, которые приобретают правовую охрану с момента создания или регистрации, инновация приобретает юридическое значение только при условии ее введения в хозяйственный оборот. Данный признак обуславливает невозможность сведения инновации исключительно к объектам интеллектуальной собственности [6, с. 76].

В-третьих, инновация характеризуется повышенной степенью правовой и экономической неопределенности, обуславливающей высокую степень риска, присущую инновационной деятельности, а также отсутствием устоявшихся правовых механизмов регулирования новых технологических решений [3, с. 27].

Кроме того, инновация обладает высокой степенью коммерциализационной направленности, поскольку ее основное назначение заключается в извлечении экономического эффекта. В этой связи правовой режим инновации должен учитывать не только вопросы охраны прав, но и механизмы их эффективного использования и оборота [4, с. 118].

Наконец, инновация имеет межотраслевой характер, находясь на стыке гражданского, предпринимательского, финансового и административного права, в результате чего возникает необходимость комплексного правового регулирования, выходящего за рамки традиционных институтов гражданского права [8, с. 216].

Таким образом, специфика инновации как объекта правового режима заключается в ее комплексности, процессуальной обусловленности, рисковом характере и межотраслевой природе, что предопределяет необходимость формирования специального, адаптивного правового режима.

Современное состояние правового регулирования инноваций в Российской Федерации характеризуется отсутствием системного и комплексного подхода. Несмотря на наличие отдельных нормативных актов, регулирующих инновационную деятельность, единый правовой режим инноваций на законодательном уровне не сформирован.

Ключевым нормативным актом в данной сфере является Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике», закрепляющий общее понятие инноваций и определяющий направления государственной политики [2]. Однако данный закон носит рамочный характер и не устанавливает детализированного механизма правового регулирования инновационной деятельности.

Значительная часть регулирования фактически сосредоточена в сфере интеллектуальной собственности. В частности, часть IV Гражданского кодекса Российской Федерации определяет правовой режим результатов интеллектуальной деятельности, регистрация которых осуществляется Роспатент [1]. Вместе с тем подобный подход не охватывает всей совокупности отношений, возникающих в процессе создания, внедрения и коммерциализации инноваций.

Существенным недостатком действующего регулирования является подмена понятия инновации результатами интеллектуальной деятельности, что приводит к игнорированию таких элементов инновационного процесса, как внедрение, финансирование, управление рисками и коммерциализация [5, с. 26].

Кроме того, правовое регулирование инновационной деятельности отличается фрагментарностью. Отдельные аспекты регулируются нормами гражданского, налогового, бюджетного и административного законодательства, что затрудняет формирование единой правоприменительной практики [8, с. 217].

Следует также отметить недостаточную эффективность механизмов государственной поддержки инноваций, которые зачастую носят декларативный характер и не обеспечивают стимулирование полного инновационного цикла [3, с. 105].

В результате складывается ситуация, при которой инновации как сложный социально-экономический феномен регулируются преимущественно через отдельные правовые институты, не образующие целостной системы.

На основании вышесказанного можно выделить в качестве проблем правового регулирования инноваций фрагментарность, доминирование регулирования интеллектуальной собственности и отсутствие комплексного правового режима.

Выявленные проблемы оказывают существенное негативное влияние на инновационное развитие государства. Отсутствие комплексного и системного

регулирующего приводит к снижению эффективности правового обеспечения инновационной деятельности и формирует неблагоприятную институциональную среду для ее осуществления.

Субъекты инновационной деятельности (разработчики, инвесторы, хозяйствующие субъекты) сталкиваются с трудностями в определении правового статуса инновационных решений, порядка их использования и защиты, что увеличивает транзакционные издержки и снижает инвестиционную привлекательность инновационных проектов.

Подмена инноваций результатами интеллектуальной деятельности приводит к сужению сферы правового регулирования. В результате вне должного внимания остаются стадии внедрения, коммерциализации и масштабирования инноваций, которые имеют ключевое значение для получения экономического эффекта.

Отсутствие развитых правовых механизмов оборота инновационных продуктов, а также сложность оформления прав на них препятствуют вовлечению результатов научно-технической деятельности в хозяйственный оборот.

Кроме того, несовершенство правового регулирования усиливает инвестиционные и технологические риски, сдерживающие участие частного капитала в инновационной сфере, – инвесторы не обладают достаточными правовыми гарантиями защиты своих вложений, что снижает уровень финансирования инновационных проектов.

Наконец, перечисленные выше проблемы препятствуют формированию устойчивой инновационной экосистемы и замедляют темпы технологического развития, что негативно сказывается на конкурентоспособности национальной экономики в условиях глобальной цифровой трансформации.

Таким образом, несовершенство правового режима инноваций выступает одним из ключевых факторов, сдерживающих инновационное развитие, что обуславливает необходимость его комплексного реформирования.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации часть 4 (ГК РФ ч.4) № 230-ФЗ от 18.12.2006 (ред. от 32.07.2025). – КонсультантПлюс: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/?ysclid=mm2pj4t7xb223085829.
2. Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» от 23.08.1996 № 127-ФЗ (ред. от 24.06.2025). – КонсультантПлюс: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11507/?ysclid=mm2q97gchu243991302.
3. Землянский И.Н. Правовой статус изобретений с компьютерной составляющей по праву России и ЕС: Монография. – М.: Русайнс, 2020. – 180 с.
4. Кирпа А.С. Финансово-правовые аспекты инновационных кластеров // Гуманитарные и юридические исследования. – 2022. – № 1. – С. 118-123.
5. Корякина З.И. Правовое регулирование участия субъектов – физических лиц в научной и (или) научно-технической деятельности // Вестник северо-восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. – 2023. – № 3 (31). – С. 25-30.
6. Новоселова Л.А. Гюльбасарова Е.В., Едидович А.М. Правовые основы обеспечения трансфера технологий: Учебник. – М.: Проспект, 272 с.
7. Суханов Е.А. Вещное право: научно-познавательный очерк. – М.: 2017. – 561 с.
8. Федотчев Д.А., Стрелкова К.Р. Понятие экспериментального правового режима в Российской Федерации: связь права и науки // Образование и право. – 2024. – № 12. – С. 216-218.

ОТГРАНИЧЕНИЕ ВООРУЖЕННОГО МЯТЕЖА ОТ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Щуров Роман Николаевич

учитель географии,

МОУ «Майская гимназия», Россия, Белгородская область, п. Майский

Щуров Никита Романович

обучающийся,

МАУ ДО «ЦДО «Успех», Россия, Белгородская область, п. Дубовое

***Аннотация.** В статье рассматривается проблема отграничения вооруженного мятежа от смежных составов преступлений, что имеет ключевое значение для правильной квалификации деяний и применения мер уголовно-правового воздействия.*

***Ключевые слова:** вооруженный мятеж, законодательство, преступление, квалификация, смежные составы, практика применения.*

В современном мире, характеризующемся динамичными геополитическими изменениями и ростом внутренних конфликтов, проблема квалификации преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства приобретает особую актуальность. Среди них особое место занимает вооруженный мятеж – деяние, способное подорвать устои государственности, привести к масштабным человеческим жертвам и дестабилизации общества. Однако сложность правовой оценки подобных событий заключается в необходимости четкого отграничения вооруженного мятежа от смежных составов преступлений, таких как террористический акт, массовые беспорядки, государственная измена или диверсия. Неправильная квалификация не только искажает истинную природу происходящего, но и влечет за собой неадекватные правовые последствия, препятствуя эффективному противодействию угрозам национальной безопасности.

Исследуемый состав преступления является относительно новым для российского уголовного законодательства и, как следствие, представляющим сложности при его квалификации.

Вооруженный мятеж, это особо тяжкое преступление, а в быденном понимании для большинства граждан еще и предательство государства и его строя. На данный момент не существует практики применения ст. 279

Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), однако, как показывают стремительно развивающиеся события в жизни нашего государства и мирового сообщества, ее актуальность может возникнуть совершенно неожиданно. При этом даже без первого применения на практике статьи 279 УК РФ «Вооруженный мятеж», совершенно очевидно, что его законодательная конструкция не лишена недостатков. В целях совершенствования данного состава и ряда других, предусмотренных главой 29 УК РФ «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства», в декабре 2024 года были приняты изменения уголовного законодательства, в результате которых статья 279 УК РФ претерпела существенные изменения [9]. Вместе с тем, по нашему мнению, указанные изменения не решили задачу точной и правильной регламентации состава вооруженного мятежа на законодательном уровне. Так, на наш взгляд, по-прежнему нуждаются в конкретизации термин «вооруженный мятеж» и элементы указанного состава преступления. Ситуация неопределенности в законодательной регламентации вооруженного мятежа создает возможность для продолжения научной дискуссии относительно понимания данного состава преступления.

К смежным составам преступлений, от которых следует отграничивать вооруженный мятеж, относятся:

- террористический акт (ст. 205 УК РФ);
- организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем, а равно участие в вооруженном конфликте или военных действиях в целях, противоречащих интересам Российской Федерации (ст. 208 УК РФ);
- массовые беспорядки (ст. 212 УК РФ);
- государственная измена (ст. 275 УК РФ);
- насильственный захват власти или насильственное удержание власти (ст. 278 УК РФ);
- нарушение территориальной целостности Российской Федерации (ст. 280.2 УК РФ);
- диверсия (ст. 281 УК РФ).

От всех этих составов вооруженный мятеж будет отличаться своей целью и признаком вооруженности, однако даже если брать во внимание только цель, все равно будут возникать проблемы при квалификации.

Террористический акт отграничить от вооруженного мятежа не составляет труда. Согласно ч. 1 статьи 205 УК РФ террористический акт - это «совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в целях воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями» [6]. При вооруженном мятеже могут производиться взрывы, поджоги и иные действия, т. к. в самом преступлении будет задействовано вооружение и даже легкая и тяжелая техника. Однако, вооруженный мятеж посягает на конституционный строй, а не стремится просто воздействовать на решения органов власти или дестабилизировать указанные органы. Таким образом, террористический акт более специфичен в своих целях, чем вооруженный мятеж. В рамках самого вооруженного мятежа по логике возможно совершение террористических актов, так и террористические акты могут стать первым этапом для осуществления вооруженного мятежа. Вооруженный мятеж и перечень статей, связанных с террористической деятельностью, объединяет отсылочная норма. В ч. 1 ст. 205.1 УК РФ и в ч. 1 ст. 205.3 УК РФ имеется ссылка на статью 279 УК РФ [4]. Таким образом, прослеживается законодательная связь между вооруженным мятежом и террористическим актом.

Часть 1 статьи 212 УК РФ описывает массовые беспорядки следующим образом: «Организация массовых беспорядков, сопровождавшихся насилием, погромами, поджогами, уничтожением имущества, применением оружия, взрывных устройств, взрывчатых, отравляющих либо иных веществ и предметов, представляющих опасность для окружающих, а также оказанием

вооруженного сопротивления представителю власти, а равно подготовка лица для организации таких массовых беспорядков или участия в них» [6]. Характеристика массовых беспорядков внешне схожа с содержанием вооруженного мятежа, однако, массовые беспорядки более стихийное явление. Как в рамках вооруженного мятежа могут быть волнения в обществе и их результатом могут стать массовые беспорядки, так и сами массовые беспорядки могут перерасти в вооруженный мятеж, путем формирования отдельной группы, которая поставит перед собой цель вооруженного противостояния с нынешним государственным устройством.

Государственная измена в качестве части объективной стороны указывает на взаимодействие с иностранными государствами. В рамках вооруженного мятежа возможно совершение данного деяния, таковыми могут быть ситуации финансирования участников вооруженного мятежа, предоставление им инструкторов и иных необходимых для осуществления объективной стороны ресурсов.

Диверсия в рамках вооруженного мятежа возможна. В целях обеспечения преступного умысла возможно нанесение ущерба, который можно расценить как подрыв обороноспособности Российской Федерации, так как участникам вооруженного мятежа будут противостоять вооруженные силы Российской Федерации. Таким образом, под обстрелы и атаки может попасть критическая инфраструктура в виде военных частей, НПЗ, административных зданий и так далее.

Таким образом, преступления, предусмотренные ст. 205, 205.1, 205.3, 212, 275, 281 УК РФ, могут осуществляться в совокупности со статьей 279 УК РФ [5].

В рамках описания составов мы не затрагивали тему их разграничения по цели. Проводя анализ вооруженного мятежа, мы пришли к выводу, что текущая редакция статьи не отражает его сути, так как существует еще два состава, очень тесно пересекающихся с целью вооруженного мятежа. Статья 278 «Насильственный захват власти или насильственное удержание власти» и

статья 280.2 «Нарушение территориальной целостности Российской Федерации». По сути, вооруженный мятеж, особенно в первоначальной редакции статьи 279 УК РФ, представлял из себя совокупность этих статей. В статье 278 УК РФ указано следующее: «Действия, направленные на насильственный захват власти или насильственное удержание власти в нарушение Конституции Российской Федерации, а равно направленные на насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации» [6].

В статье 280.2 закреплено следующее: «Отчуждение части территории Российской Федерации или иные действия (за исключением делимитации, демаркации, редемаркации Государственной границы Российской Федерации с сопредельными государствами), направленные на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных статьями 278, 279 и 280.1 настоящего Кодекса» [6].

Статья 279 УК РФ по своей цели отличается от ст. 278 и 280.2, только словом «свержение» и критерием вооруженности по объективной стороне. Статья 278 УК РФ крайне схожа со статьей 279 УК РФ. Мы считаем, что нарушить территориальную целостность, захватить или удерживать власть, насильственно изменить конституционный строй, крайне тяжело без оружия, но гипотетически возможно. Одну из таких ситуаций описывали в своей работе В. М. Редкоус и М. М. Копылов: «Мятеж всегда предполагает вооруженный характер действий. Однако действия сепаратистов могут не обладать признаком вооруженности. Возможно, например, что легитимные власти субъекта Российской Федерации в согласии с местным населением мирным путем примут решение об отделении от России, а правоохранительные и иные государственные структуры не смогут воспрепятствовать развитию такой ситуации. Не будет вооруженного выступления и насильственного захвата власти» [3, с. 22].

А при наличии вооруженности, встает вопрос разграничения статьи 279 УК РФ и статей 278 и 280.2 УК РФ. Если в статье 280.2 есть указание, что если в деянии отсутствуют признаки преступления, предусмотренного статьей 279

УК РФ, то квалификация производится по статье 280.2 УК РФ, то статья 278 УК РФ такого отграничения лишена. Разграничить вооруженный мятеж и статью 278 УК РФ сложно и по той причине, что в цели содержатся альтернативные варианты, которые могут реализовываться как совокупно, так и по отдельности. Этому способствует использование разделительного союза «либо» в конструкции текста статьи [6].

Важно подчеркнуть, что **вооруженный мятеж является наиболее общественно опасным преступлением против основ конституционного строя и безопасности государства**, поскольку он направлен на дестабилизацию всей государственной системы и может привести к необратимым последствиям. Именно поэтому законодатель выделяет его в отдельный состав, требующий особого подхода к квалификации.

Сложность отграничения вооруженного мятежа от других преступлений обусловлена схожестью некоторых элементов объективной стороны, таких как применение насилия, наличие организованной группы и противоправный характер действий.

Таким образом, **точное отграничение вооруженного мятежа от смежных составов преступлений имеет важное практическое значение для правоприменительной деятельности**. Оно позволяет избежать ошибок при квалификации деяний, обеспечить неотвратимость наказания за наиболее тяжкие преступления против государства и его основ, а также гарантировать соблюдение прав и законных интересов граждан.

Полагаем, что дальнейшие исследования в данной области могут быть направлены на разработку более детальных рекомендаций для правоохранительных органов по выявлению и документированию признаков вооруженного мятежа, а также на совершенствование законодательства в части, касающейся определения и квалификации данного преступления. Особое внимание следует уделить изучению новых форм и методов совершения преступлений против основ конституционного строя в условиях современных вызовов и угроз.

Литература

1. Бобровникова О.В. Категории «государственная безопасность» и «национальная безопасность»: теоретико-правовой анализ / О.В. Бобровникова // Вестник экономической безопасности. – 2022. – № 2. – С. 25-29. – DOI 10.24412/2414-3995-2022-2-25-29. – EDN AUWBHQ.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 10.03.2026).
3. Редкоус В.М., Копылов М.М. Уголовная ответственность за посягательства на территориальную целостность Российской Федерации. История и современное состояние // Закон и право. 2019. № 9.
4. Уголовное право России. Особенная часть: учебник для вузов / О.С. Капинус [и др.]. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 1189 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-18351-1. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/534839> (дата обращения: 09.03.2026).
5. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / А.В. Наумов [и др.]; ответственные редакторы А.В. Наумов, А.Г. Кибальник. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 564 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-18550-8. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/535355> (дата обращения: 12.03.2026).
6. Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.05.2025) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 10.03.2026).
7. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 12.03.2026).
8. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 28.02.2025) «О противодействии терроризму» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 12.03.2026).
9. Федеральный закон от 28.12.2024 № 510-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 10.03.2026).

СЕКЦИЯ «ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ»

БИЗНЕС–ПЛАНИРОВАНИЕ КАК ОСНОВА РЕАЛИЗАЦИИ ГОСТИНИЧНЫХ УСЛУГ С УЧЕТОМ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

Алюшин Роман Евгеньевич

кандидат педагогических наук,
доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма,
Курский государственный университет, Россия, г. Курск

Будник Мария Васильевна

магистрантка, Курский государственный университет, Россия, г. Курск

***Аннотация.** В статье рассматриваются основные задачи бизнес-плана, показатели и структура бизнес-плана.*

***Ключевые слова:** гостиничная индустрия, бизнес-план, конкурентоспособность.*

Бизнес-план – это внутренний документ, который содержит наиболее важные аспекты разрабатываемого коммерческого мероприятия, анализ новых проблем, возможных препятствий и методов их преодоления, индикаторы, указывающие на то, что рекомендуется отслеживать текущую ситуацию.

Бизнес-план имеет в себе одну главную цель. Главная цель бизнес-плана – это привлечь инвесторов и партнеров для создания нового бизнеса. Для того чтобы создать новое предприятие часто своих средств не хватает, и необходимо использовать заемные средства, получить кредит или воспользоваться финансовой помощью инвесторов. Инвестиции в данный бизнес очень выгодные, но без бизнес-плана потенциальные инвесторы не будут связываться с бизнесом в этом направлении. Можно найти спонсоров, но для этого необходим крайне подробный, логичный и понятный бизнес-план. Человеку необходимо понимать, куда он вкладывает свои средства.

У бизнес-плана существует ряд других целей, которые также несут в себе большое значение [3].

Бизнес-план необходим для того, чтобы планировать деятельность компании опираясь на информацию о потребностях конкретного рынка и получать все необходимые для этого ресурсы.

Необходимость работы по бизнес-плану также важна для того, чтобы можно было определить степень возможности достижения нужного результата. Для этого необходимо использовать анализ прогнозируемой информации. Цели должны быть в первую очередь достижимыми и реальными по времени и выполнению поставленных задач. Необходимо использовать всю доступную информацию о развитии гостиничного бизнеса.

Бизнес-план также поможет в том, чтобы доказать целесообразность и логичность при создании или реорганизации гостиничного бизнеса.

В бизнес-плане отображается большое количество данных. Главными из них являются такие, как цель деятельности компании. Цель любого бизнеса – это прибыль. Но нельзя обозначать ее как основную и единственную, кроме этой цели есть еще и другие цели, которые могут привлечь инвесторов и кредиторов. В плане необходимо указать также способы достижения целей и решения поставленных задач. Указываются все финансовые показатели при создании бизнеса.

Основные задачи бизнес-плана следующие:

- определение конкретного направления в деятельности компании;
- определение целевых рынков компании;
- определение места компании в целевых рынках, определенных для компании;
- выбор услуги или продукта, который компания предлагает на рынке;
- оценка необходимых затрат на бизнес;
- формировка задач по внедрению услуги или продукта на рынок;
- определение лиц, которые отвечают за выполнение конкретных действий и задач;
- выявление нужного для компании персонала;
- выявление задач персонала компании;
- определение стратегии или различных стратегий маркетинга компании;
- оценка финансового положения компании;

- оценка ресурсов компании;
- определение возможных трудностей и критических точек, которые могут встать на пути у реализации плана компании.

Бизнес-план девелоперского проекта обычно состоит из следующих разделов:

1. Содержание проекта (включая описание предлагаемых услуг).
2. Инициатор-разработчик проекта.
3. Анализ текущего состояния рынка.
4. Анализ рынка (конечные пользователи услуг; основные каналы распространения предлагаемых услуг; основные конкуренты; маркетинг услуг).
5. Организационный план.
6. Важные финансовые показатели (необходимая сумма инвестиций; доля инвестора в общей сумме финансирования; необходимые заемные средства; предполагаемый объем продаж; стоимость предлагаемых услуг; основные условия проекта (старт возврата, полная окупаемость, старт и конец проекта); накопленный (и дисконтированный) результат за период проекта.
7. Главный риск.
8. Компенсационные меры.
9. Возможные гарантии.
10. Первоочередные действия.
11. Координаты организации, представляющей проект.

Представленная общая форма документа дополнена подробным описанием отдельных объектов, содержание которых зависит от задач, стоящих перед разработчиками.

Бизнес-план характеризуется тем, что он:

1. Показывает объективную оценку предпринимательства фирмы;
2. Инструмент проектных и инвестиционных решений, направленных на удовлетворение потребностей рынка;
3. Исходя из коммерческого аспекта деятельности;
4. Включает анализ проблемы и способ ее решения;

5. Служит для обоснования запланированных мероприятий и оценки результатов за определенный период. Следовательно, это можно считать мерой степени успеха;

6. Представляет собой документ, позволяющий определять порядок и управлять бизнесом;

7. Является хорошей рекламой для будущего бизнеса, так как создает репутацию и выступает своего рода визитной карточкой компании. Поэтому бизнес-план должен быть компактным, красиво оформленным и информативным;

8. Демонстрирует готовность пойти на риск, однако является своего рода документом, страхующим будущую сделку.

Основные причины для подготовки бизнес-плана от компании включают, например,

- знакомство с потенциальными партнерами с намерением предпринимателя;
- потребность инвесторов и кредиторов в объективной оценке коммерческого предложения;
- цифровое обоснование эффективности бизнес-идеи.

Доказательство реализуемости проекта, а также его финансовая эффективность – является основной проблемой при составлении любого бизнес-плана. Предпринимателю необходимо понимать какая у проекта финансовая эффективность для того, чтобы вкладывать в него собственные или заемные средства [3].

В большом количестве ситуаций бизнес-план помогает выбрать наиболее перспективную и действовать согласно поставленной цели для достижения необходимых задач.

Важно чтобы бизнес-план был составлен таким образом, чтобы привлекать потенциальных партнеров, кредиторов, спонсоров и инвесторов.

Привлечение инвесторов поможет решить многие финансовые проблемы. Не всегда хватает своих средств. Заемные средства так же могут быть

не получены по желаемым суммам, так как не всегда выдают именно те кредиты и суммы, которые необходимы для ведения работы по всем задуманным направлениям. Партнеры могут помочь решить ряд проблем. Подрядные и субподрядные организации – распространенное явление в бизнес-моделях, и им также может понадобиться для ознакомления бизнес-план. Спонсоры могут работать по нескольким моделям, на безвозмездной основе, что встречается редко, обычно работа осуществляется на взаимовыгодных условиях для обеих сторон. Например, бесплатные поставки какого-либо товара, но в обмен на рекламу своей деятельности.

В бизнес-плане необходимо изложить конкретное обоснование деятельности компании. Необходимо определить потребности рынка. Также важно понимать какие финансовые ресурсы могут для этого понадобиться. По сути, в бизнес-плане необходимо предусмотреть любые возникающие ситуации и проблемы будущей деятельности. Для того чтобы проблемы не были фатальными и не выводили из строя действующую модель бизнеса, необходимо крайне серьезно разобраться в будущей деятельности, и предусмотреть все варианты развития событий, вплоть до закрытия с минимальными потерями.

Важнейшими показателями для инвестора при изучении бизнес-плана являются такие показатели как:

- Конкуренентоспособность предлагаемых услуг, то есть услуги, которые предоставляет организация, должны как минимум соответствовать тому предложению на рынке данных услуг которое существует в данный момент времени, или же в идеале превосходить их по ряду или всем параметрам.
- Предлагаемые услуги должны быть востребованы на рынке, то есть они обязательно должны иметь целевую аудиторию, в противном случае не имеет смысла начинать бизнес, не имея предполагаемой аудитории потребителей.
- Для реализации бизнеса должно быть достаточно производственных мощностей и ресурсов, с помощью которых планируется развитие бизнеса. Если в бизнес-модели заранее не заложить всех вариантов развития событий,

а самое главное не знать заранее возможностей получения ресурсов, то такой бизнес может закончиться достаточно быстро, просто остановившись в развитии.

- Для правильной реализации бизнес-плана необходимо иметь в штате квалифицированные кадры. Работники гостиницы, работники ресторана должны иметь хороший уровень квалификации, для того чтобы реализация всех поставленных задач осуществлялась без каких-либо проблем. Важно также иметь грамотный и квалифицированный управленческий аппарат, в противном случае если на предприятии будут отличные работники, но управление будет оставлять желать лучшего, то бизнес может прогореть. Важно чтобы и обслуживающий и управляющий персонал соответствовал друг другу и всем задачам, и целям проектируемого бизнеса. На данном направлении важно иметь хорошо подготовленный отдел кадров, со специалистами по рекрутингу, не просто отбирающими анкеты из стопки, а работающими по поиску конкретных специалистов. Иногда допустима схема по переманиванию работников из других организаций с увеличением заработной платы последних для того, чтобы в конечном счете получить больший экономический эффект от работы.

- Любой проект и бизнес должен иметь возможность быть завершённым в положенные сроки. Все что мы собираемся создать по бизнес-плану, должно иметь определённые конкретные сроки. Кроме того, важно понимать, что просто так поставить срок и сдать выполнения поставленной задачи не дает особых результатов, цель должна быть не только измерима во времени, но и достижима в поставленные временные рамки.

- Отвечать по заемным средствам важное свойство бизнеса. Если проект платежеспособен, то инвесторы будут с ним работать. Важно создать такие условия и связи, чтобы не было неоправданных рисков, и иметь соответствующие возможности для решения финансовых проблем.

- Выгодность вложения в проект практически самое важное, на что будут обращать внимание будущие инвесторы, партнеры и кредиторы. Если

проект бизнеса экономически не выгоден, то никто не будет вкладывать в него свои средства.

В первые годы российской практики бизнес-планирования основное внимание уделялось типу составления бизнес-планов. Затем последовал тип бизнес-обоснования плана. За этим последовало повышение значимости типа инвестиционного бизнес-плана, что понятно с точки зрения актуальности поиска инвестиций для дальнейшего развития отечественной экономики.

В России бизнес-план чаще разрабатывают компании, открывающие собственное дело. Иностранные компании предпочитают заключать отдельные соглашения. Такой подход ближе к пониманию классической роли бизнес-плана, который обычно отражает развитие направления в деятельности фирмы. Даже если у бизнеса несколько направлений, у него может быть сразу несколько бизнес-планов.

В этом случае составляется инвестиционный бизнес-план создания и развития туристической базы.

Инвестиционный проект гостиничного предприятия как объекта оценки характеризуется набором разнородных показателей, отражающих его экономические, экономические, технические и другие аспекты. Многие из показателей, используемых в нашей работе, не поддаются измерению; данные часто носят предсказательный характер. Эти обстоятельства требуют использования экспертных методов оценки проектов [1].

Разработка этих документов итеративна: оценка минимальных требований к аналитической информации и исходным данным, проверка возможности их получения, корректировка и т. д.

Малые предприятия, такие как мини-отели, туристические центры, традиционно предпочитают использовать упрощенную структуру для создания бизнес-плана:

Возможности для компании (CV):

- Описание компании.
- Виды услуг.

- Анализ рынка.
- Маркетинговый план.
- Производственный план.
- План организации.
- Юридическое сопровождение деятельности.
- Финансовый план.
- Оценка рисков.
- Стратегия финансирования.

Структура бизнес-плана строго не регламентирована, но должна быть представлена в форме, позволяющей заинтересованной стороне получить четкое представление, как о сути проекта, так и о перспективах своего участия в нем.

Грамотно разработанный бизнес-план помогает компании расти, завоевывать новые позиции на рынке, на котором она работает, и создавать долгосрочные планы развития.

Значительная часть компаний, стремящихся к достижению конкурентоспособности на туристическом рынке, в настоящее время должна решать задачи по реконструкции зданий, капитальному ремонту материально-производственных запасов, а также все вопросы, связанные с модернизацией основных фондов, расширением перечня услуг и повышением уровня персонала квалификации. Кроме того, необходимо постоянно улучшать качество предлагаемых туристических услуг [2].

Литература

1. Арбузова Н.Ю. Технология и организация гостиничных услуг: учебное пособие для вузов / Н.Ю. Арбузова. – М. : Академия, 2009. – 224 с.
2. Быстров С.А. Туризм: макроэкономика и микроэкономика / С.А. Быстров, М.Г. Воронцова. –М. – СПб.: Герда, 2008. – 464 с.
3. Катькало В.С. Эволюция теории стратегического управления: монография / В.С. Катькало; Высшая школа менеджмента СПбГУ. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Высшая школа менеджмента; СПбГУ, 2011. – 544 с.

ИНСТРУМЕНТАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РЕАЛИЗАЦИИ АНТИКРИЗИСНЫХ СТРАТЕГИЙ ПРЕДПРИЯТИЙ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Дуйсекенов Алмас Нурланович

магистрант, Западно-Казахстанский университет имени М. Утемисова,
Республика Казахстан, г. Уральск

***Аннотация.** В статье рассматриваются особенности инструментального обеспечения реализации антикризисных стратегий предприятий в современных экономических условиях. Раскрывается сущность и классификация инструментов антикризисного управления, а также анализируется их роль в обеспечении устойчивости и адаптивности организаций. Особое внимание уделено интеграции стратегических, финансовых, организационных и цифровых инструментов в систему управления предприятием.*

***Ключевые слова:** антикризисное управление, антикризисные стратегии, инструменты управления, финансовые инструменты, стратегическое управление, цифровизация, устойчивость предприятия.*

Современный этап развития экономики характеризуется высокой турбулентностью внешней среды, усилением глобальной конкуренции и ростом числа кризисных явлений различной природы. В этих условиях предприятия сталкиваются с необходимостью оперативного реагирования на изменения рыночной конъюнктуры, что требует внедрения эффективных механизмов антикризисного управления. Особую роль при этом играет инструментальное обеспечение реализации антикризисных стратегий, позволяющее не только минимизировать негативные последствия кризиса, но и формировать условия для дальнейшего устойчивого развития организации.

Антикризисное управление представляет собой сложную многоуровневую систему, включающую совокупность управленческих решений, направленных на предупреждение, локализацию и преодоление кризисных ситуаций. Его эффективность определяется не только своевременностью принимаемых мер, но и качеством используемых инструментов, которые должны соответствовать текущим условиям функционирования предприятия. Важно отметить, что антикризисное управление носит превентивный характер и предполагает не только реакцию на кризис, но и его предупреждение [1].

Инструментальное обеспечение антикризисного управления можно рассматривать как совокупность методов, механизмов и средств,

обеспечивающих реализацию стратегических решений в условиях неопределённости. Оно формируется с учётом специфики деятельности предприятия, его ресурсного потенциала и уровня организационного развития. В современных условиях возрастает значение комплексного подхода к формированию инструментальной базы, что обусловлено многофакторностью кризисных процессов.

Классификация инструментов антикризисного управления позволяет систематизировать существующие подходы и выделить основные направления их применения. Наиболее распространённым является выделение стратегических, финансовых, организационных и цифровых инструментов, каждый из которых выполняет определённую функцию в системе управления. Такая классификация способствует более чёткому распределению управленческих задач и повышает эффективность их реализации.

Стратегические инструменты антикризисного управления ориентированы на формирование долгосрочных направлений развития предприятия и обеспечение его конкурентоспособности. К числу таких инструментов относятся стратегическое планирование, разработка альтернативных сценариев развития, диверсификация деятельности, а также реструктуризация бизнеса. Их применение позволяет предприятиям адаптироваться к изменяющимся условиям внешней среды и снижать уровень стратегических рисков [2].

Финансовые инструменты играют ключевую роль в обеспечении устойчивости предприятия в кризисный период, так как именно финансовое состояние является индикатором его жизнеспособности. К основным финансовым инструментам относятся управление денежными потоками, бюджетирование, оптимизация затрат, реструктуризация задолженности и привлечение дополнительных источников финансирования. Эффективное использование данных инструментов позволяет поддерживать ликвидность и предотвращать банкротство.

Организационные инструменты направлены на совершенствование структуры управления и повышение эффективности использования

человеческих ресурсов. В условиях кризиса особое значение приобретает гибкость организационной структуры, позволяющая оперативно реагировать на изменения внешней среды. К таким инструментам можно отнести реинжиниринг бизнес-процессов, оптимизацию численности персонала и внедрение современных методов управления [3].

Цифровые инструменты антикризисного управления становятся неотъемлемой частью современной системы управления предприятием. Использование информационных технологий позволяет значительно повысить скорость обработки информации и качество принимаемых решений. Внедрение ERP-систем, аналитических платформ и технологий больших данных обеспечивает возможность комплексного анализа деятельности предприятия и выявления потенциальных угроз [4].

Своевременность применения инструментов антикризисного управления является одним из ключевых факторов их эффективности. Несвоевременные управленческие решения могут привести к усугублению кризисной ситуации и увеличению потерь. Поэтому важным элементом антикризисного управления является система раннего предупреждения кризисных явлений.

Значительное влияние на эффективность инструментального обеспечения оказывает уровень профессиональной подготовки управленческого персонала. Компетентные специалисты способны не только правильно выбрать инструменты, но и адаптировать их к конкретным условиям предприятия. Это особенно важно в условиях нестабильной экономической среды.

Неотъемлемой частью антикризисного управления является мониторинг внешней и внутренней среды предприятия. Постоянный анализ факторов, влияющих на деятельность организации, позволяет своевременно выявлять угрозы и разрабатывать адекватные меры реагирования. Это повышает устойчивость предприятия и снижает вероятность наступления кризиса.

Внешние факторы, такие как макроэкономическая ситуация, государственная политика и отраслевые особенности, оказывают существенное влияние на выбор инструментов антикризисного управления. В условиях

нестабильности возрастает значение государственной поддержки и регулирования, что также должно учитываться при разработке антикризисных стратегий [5].

Особое значение в системе инструментального обеспечения антикризисного управления приобретает риск-менеджмент как самостоятельное направление управленческой деятельности. Его основная задача заключается в выявлении, оценке и минимизации рисков, способных привести к кризисным явлениям. Использование инструментов риск-анализа, таких, как SWOT-анализ, сценарное моделирование и стресс-тестирование, позволяет предприятиям заранее оценивать возможные угрозы и разрабатывать эффективные меры по их нейтрализации. Это способствует формированию более устойчивой и гибкой системы управления [6].

Важным элементом антикризисного управления является коммуникационная политика предприятия, направленная на поддержание доверия со стороны заинтересованных сторон. В условиях кризиса возрастает значение прозрачности управленческих решений и своевременного информирования персонала, партнёров и инвесторов. Эффективные коммуникационные инструменты позволяют снизить уровень неопределённости и предотвратить развитие негативных социальных и экономических последствий внутри организации.

Следует отметить, что внедрение инструментов антикризисного управления требует наличия соответствующей организационной культуры, ориентированной на изменения и инновации. Предприятия, обладающие высокой адаптивностью и готовностью к трансформациям, быстрее реагируют на кризисные вызовы и эффективнее используют доступные инструменты. В этом контексте важную роль играет лидерство и способность руководства формировать стратегическое видение развития организации.

Наконец, следует подчеркнуть, что устойчивость предприятия в условиях кризиса во многом зависит от способности интегрировать антикризисные инструменты в общую систему стратегического управления. Это предполагает

согласование целей, ресурсов и управленческих решений на всех уровнях организации. Комплексный и системный подход к инструментальному обеспечению позволяет не только преодолевать текущие кризисные ситуации, но и формировать долгосрочные конкурентные преимущества.

Таким образом, инструментальное обеспечение реализации антикризисных стратегий представляет собой сложную и многокомпонентную систему, эффективность которой определяется комплексностью, адаптивностью и своевременностью применения инструментов. В условиях современной экономики именно грамотное использование инструментов антикризисного управления позволяет предприятиям не только преодолевать кризисные ситуации, но и формировать основу для долгосрочного устойчивого развития.

Литература

1. Черненко В.А., Шведова Н.Ю. Антикризисное управление: учебник и практикум для вузов. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2023. – 465 с.
2. Антикризисное управление: учебник и практикум для вузов / под ред. Н.Д. Корягина. – М.: Юрайт, 2022. – 367 с.
3. Николаев В.Г., Спановский В.А. Антикризисное управление: учебное пособие. – 2-е изд. – М.: Научный консультант, 2024. – 138 с.
4. Орехов В.И., Орехова Т.Р., Балдин К.В. Антикризисное управление: учебное пособие. – М.: ИНФРА-М, 2021. – 541 с.
5. Кучер С.Э. Антикризисное управление: сущность, функции, методы // Экономические науки. – 2016.
6. Горлова В.В., Кузьмина Е.Ю., Сурат В.И., Соклакова И.В. Управление потенциалом предприятия в условиях кризиса. – М.: Дашков и К, 2021. – 194 с.

РОЛЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В УПРАВЛЕНИИ ФИНАНСОВЫМИ ПОТОКАМИ И ПРИНЯТИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

Душарин Алексей Иванович

руководитель управления информационных сервисов компании,
International Trading Systems Limited, Казахстан, г. Астана

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию роли искусственного интеллекта в трансформации процессов управления финансовыми потоками и принятия экономических решений в условиях цифровой экономики. На основе обобщения практик внедрения интеллектуальных систем в финансово-технологической среде рассмотрены механизмы алгоритмической маршрутизации транзакций, предиктивного риск-менеджмента, управления ликвидностью и автоматизации управленческих контуров. Научная новизна работы заключается в формировании прикладной концептуальной модели AI-driven управления финансовыми потоками, объединяющей операционный, аналитический и стратегический уровни принятия решений. Показано, что использование ИИ приводит к снижению транзакционных издержек, росту адаптивности финансовой инфраструктуры и повышению качества экономических решений в условиях неопределенности. Особое внимание уделено применимости предложенного подхода в российской экономике, где цифровизация финансовых сервисов, импортозамещение технологических решений и рост платформенных моделей формируют высокий спрос на интеллектуальную автоматизацию.*

***Ключевые слова:** искусственный интеллект, финансовые потоки, цифровая экономика, экономические решения, финтех, машинное обучение, риск-менеджмент, алгоритмическое управление.*

Введение

Современный этап развития экономики характеризуется переходом от цифровизации отдельных бизнес-процессов к интеллектуализации управленческих систем [1, с. 45-63; 2, с. 7-19]. В финансовом секторе данный процесс проявляется наиболее ярко, поскольку именно здесь скорость обработки информации, точность прогнозирования и качество решений напрямую влияют на устойчивость бизнеса, стоимость капитала и конкурентоспособность компаний.

Управление финансовыми потоками в цифровой среде представляет собой сложную задачу, включающую распределение ликвидности, оптимизацию стоимости транзакций, выбор каналов исполнения операций, предотвращение мошенничества и динамическое управление рисками. При росте числа каналов, поставщиков инфраструктуры, платежных инструментов и

пользовательских сценариев традиционные подходы, основанные на жестко заданных правилах, теряют эффективность.

В этих условиях искусственный интеллект становится не просто инструментом автоматизации, а ядром новой экономической модели управления, в которой данные, вероятностные прогнозы и самообучающиеся алгоритмы формируют основу операционных и стратегических решений [3, 4].

1. Теоретические основы интеллектуального управления финансовыми потокам

Финансовый поток в рамках цифровой платформы целесообразно рассматривать как совокупность денежных, информационных и транзакционных маршрутов, проходящих через множество контрагентов, провайдеров, инфраструктурных шлюзов и внутренних учетных контуров. С экономической точки зрения задача управления такими потоками сводится к оптимизации целевой функции [4; 5, с. 108-116]:

- минимизация стоимости исполнения операции;
- максимизация вероятности успешного завершения;
- минимизация временных задержек;
- снижение риска операционных потерь;
- повышение долгосрочной ценности пользователя за счет стабильности сервиса.

ИИ позволяет перейти от линейной оптимизации к вероятностно-адаптивной модели, где решение принимается на основе многомерного набора факторов [4; 5, с. 108-116]:

- историческая успешность каналов;
- стоимость процессинга;
- время ответа поставщика;
- риск-факторы конкретного пользователя или сегмента;
- текущая ликвидность и лимиты;
- макроэкономические и поведенческие сигналы.

Таким образом, ИИ формирует динамический механизм распределения финансовых потоков, адаптирующийся к изменяющейся среде в режиме реального времени [7, с. 3-43].

2. Трехуровневая модель применения ИИ

На основе практики построения цифровых финансовых продуктов предлагается трехуровневая модель применения ИИ.

2.1. Операционный уровень

На данном уровне ИИ используется для принятия мгновенных решений внутри транзакционного цикла [5, с. 108-116; 9, с. 255-260]:

- интеллектуальная маршрутизация платежей;
- оценка мошеннических рисков;
- прогноз отказов каналов;
- выбор оптимального провайдера;
- автоматическое перераспределение нагрузки.

Экономический эффект данного уровня проявляется в снижении прямых издержек и росте коэффициента успешных операций.

2.2. Аналитический уровень

Здесь ИИ используется для анализа паттернов и выявления скрытых закономерностей [9, с. 255-260]:

- прогнозирование спроса на финансовые сервисы;
- сегментация пользователей;
- оценка юнит-экономики каналов;
- динамическое ценообразование;
- моделирование ключевых метрик.

Именно этот уровень создает основу для управленческих решений, основанных на данных [1, с. 45-63; 4].

2.3. Стратегический уровень

На стратегическом уровне ИИ влияет на распределение капитала и развитие продуктовой архитектуры [6, 8]:

- выбор новых рынков;

- сценарное моделирование выручки;
- оценка эффективности продуктовых гипотез;
- оптимизация портфеля финансовых сервисов;
- прогнозирование инвестиционной эффективности.

На данном уровне ИИ становится элементом экономического управления компанией, а не только технологическим инструментом [6].

3. Влияние ИИ на качество экономических решений

Ключевым результатом внедрения ИИ является повышение качества решений по следующим параметрам.

3.1. Скорость

В условиях высокочастотной цифровой среды время принятия решения становится экономическим фактором. Алгоритмы позволяют принимать решения за миллисекунды, что критично для платежей, трейдинга, кредитного скоринга и антифрода.

3.2. Точность

За счет работы с большими объемами данных модели ИИ позволяют повысить точность прогнозов по сравнению с экспертными подходами, особенно в задачах оценки риска и прогнозирования поведения клиентов [4; 9, с. 255-260].

3.3. Масштабируемость

При росте транзакционного объема человеческое управление масштабируется линейно, а ИИ – экспоненциально эффективнее, так как стоимость обработки дополнительной операции стремится к нулю [3; 7, с. 3-43].

3.4. Адаптивность

В отличие от жестко заданных правил, ML-модели способны адаптироваться к новым паттернам поведения рынка и пользователей [9, с. 255-260].

4. Российская специфика применения

Для российской экономики использование ИИ в финансовом управлении особенно актуально по следующим причинам:

- ускоренное развитие цифровых платежных сервисов и маркетплейсов;

- рост роли отечественных технологических платформ;
- необходимость повышения автономности инфраструктуры;
- усложнение риск-среды и рост требований к антифроду;
- переход к платформенной модели экономики [2, с. 7-19].

Особое значение ИИ имеет для:

- платежных агрегаторов;
- цифровых банков;
- инвестиционных платформ;
- страховых экосистем;
- корпоративных казначейских систем.

В российском контексте это также связано с задачами импортонезависимости, поскольку интеллектуальные модели позволяют компенсировать ограниченный доступ к внешним инфраструктурным сервисам за счет более эффективного использования внутренних ресурсов.

5. Ограничения, риски и этические аспекты

Важно подчеркнуть социально-этическое измерение. Основные риски:

- непрозрачность моделей, работающих как черный ящик;
- дискриминационные эффекты при скоринге;
- усиление платформенной концентрации власти;
- рост зависимости менеджмента от автоматизированных рекомендаций;
- снижение человеческого контроля в критических решениях.

С экономической точки зрения это формирует новую область – этику алгоритмического управления капиталом, где ключевыми становятся вопросы ответственности, объяснимости и управляемости ИИ-моделей [5, с. 108-116; 8].

Заключение

Искусственный интеллект становится системообразующим фактором цифровой трансформации финансового сектора. Его роль выходит далеко за пределы автоматизации отдельных операций и затрагивает фундаментальные механизмы распределения капитала, управления ликвидностью и принятия экономических решений.

Предложенная трехуровневая модель показывает, что ИИ формирует новый тип экономического управления, основанный на непрерывной обработке данных, вероятностном прогнозировании и адаптивной оптимизации [1, с. 45-63; 4; 7, с. 3-43].

Для российской экономики это открывает возможности повышения устойчивости финансовой инфраструктуры, снижения транзакционных издержек и формирования конкурентоспособных платформенных бизнес-моделей.

В перспективе развитие ИИ приведет к переходу от компаний, управляемых на основе данных, к автономным экономическим системам, где значительная часть финансовых решений будет приниматься в полностью автоматизированных контурах под контролем человека на уровне стратегического управления [3, 6].

Литература

1. Сухарев О.С. Цифровая экономика и алгоритмизация экономических решений // Вопросы экономики. 2023. № 11. С. 45-63.
2. Клейнер Г.Б. Системная цифровая экономика и управление платформами // Экономическая наука современной России. 2022. № 3. С. 7-19.
3. Brynjolfsson E., McAfee A. The Second Machine Age. New York: Norton, 2014.
4. Agrawal A., Gans J., Goldfarb A. Prediction Machines: The Simple Economics of Artificial Intelligence. Harvard Business Review Press, 2018.
5. Davenport T., Ronanki R. Artificial intelligence for the real world // Harvard Business Review. 2018. Vol. 96. No. 1. P. 108-116.
6. Cockburn I., Henderson R., Stern S. The impact of artificial intelligence on innovation // NBER Working Paper. 2019. No. 24449.
7. Goldfarb A., Tucker C. Digital economics // Journal of Economic Literature. 2019. Vol. 57. No. 1. P. 3-43.
8. Varian H. Artificial intelligence, economics, and industrial organization // NBER Working Paper. 2018. No. 24839.
9. Jordan M., Mitchell T. Machine learning: Trends, perspectives, and prospects // Science. 2015. Vol. 349. No. 6245. P. 255-260.

РОЛЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Мартиросян Хорен Каренович

студент, Уральский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
Россия, г. Екатеринбург

***Аннотация.** В статье рассматривается применение технологий искусственного интеллекта в финансовом секторе как ключевого фактора цифровой трансформации. Автор анализирует ключевые направления внедрения ИИ: автоматизацию кредитного скоринга, борьбу с мошенничеством с использованием машинного обучения и графовых алгоритмов, а также персонализацию клиентского сервиса. Подчеркивается, что переход на интеллектуальные системы позволил банкам значительно повысить операционную эффективность, точность риск-менеджмента и качество клиентского опыта. Отмечается устойчивый рост рынка ИИ и его коммерческая зрелость, а также обсуждаются сохраняющиеся вызовы, такие как предвзятость алгоритмов и кибербезопасность.*

***Ключевые слова:** искусственный интеллект, финансовый сектор, цифровизация, машинное обучение, поддержка принятия решений, кибербезопасность, кредитный скоринг, NLP, графовые алгоритмы.*

Стремительные сдвиги в финансовой индустрии, вызванные цифровизацией и ростом конкурентного давления, выдвинули на передний план инструменты искусственного интеллекта. Именно алгоритмы машинного обучения, системы прогнозирования рисков и интеллектуальные чат-боты, обеспечивающие непрерывную клиентскую поддержку, становятся ядром операционной модели, постепенно пронизывая все контуры финансовой деятельности и задавая новые стандарты производительности и качества сервиса.

Опыт банковского сектора показателен. Эти организации одними из первых сформировали курс на масштабную интеллектуализацию бизнес-процессов, поскольку специфика их операций предполагает высокий потенциал формализации и регламентирования процедур. По оценкам ведущих аналитических центров под автоматизацию подпадает свыше 80% задач коммерческих банков, что создает устойчивую технологическую платформу для дальнейшего распространения ИИ-решений и для системного пересмотра операционных практик в пользу машинно-управляемых конвейеров принятия решений.

Общая логика трансформации российской экономики за последнее десятилетие подтверждает устойчивый тренд на цифровое переоснащение. Его

материальной основой выступил прогресс в области информационных технологий, а ключевым драйвером – инновации, ассоциируемые с искусственным интеллектом. Наиболее существенные эффекты дают машинное обучение (Machine Learning) и его углубленная парадигма глубокого обучения (Deep Learning), а также методы обработки естественного языка (NLP), которые обеспечили резкий прирост в точности классификации, прогнозировании и понимании текстовых данных.

Переход финансовых компаний к широкому внедрению интеллектуальных систем обусловлен сочетанием прагматических мотивов. С одной стороны, автоматизация высвобождает ресурсы от рутинных процедур и позволяет перераспределять человеческий капитал на задачи творческого и стратегического уровня. С другой стороны, применение ИИ уменьшает операционные издержки и ускоряет циклы обработки данных, повышая масштабируемость процессов без ухудшения качества контроля.

Технологический стек искусственного интеллекта обеспечивает работу с крупными массивами разнородных данных, что дает возможность обнаруживать скрытые закономерности, калибровать риск-профили и строить прогностические модели поведения рынков и клиентов. В инвестиционной практике это поддерживает более обоснованное принятие решений и улучшает управление риском, а в клиентском контуре открывает путь к глубокой персонализации. На основе аналитики предпочтений и поведенческих паттернов пользователям предлагаются индивидуализированные продукты и сервисы, что повышает лояльность и содействует расширению клиентской базы [9, с. 68].

Суммарный эффект от внедрения ИИ проявляется в конвергенции трех направлений. Первое направление – автоматизация регламентируемых процессов, где интеллектуальные системы берут на себя значительную долю повторяющихся операций. Второе направление – рост производительности и снижение издержек за счет ускорения вычислительных контуров и устранения человеческих узких мест. Третье направление – повышение качества

управления неопределенностью через более точные прогнозы и адаптивные модели, что повышает устойчивость и дает дополнительные конкурентные преимущества по отношению к менее цифрово-зрелым участникам рынка.

В кредитных процессах наибольший практический эффект дают автоматизированные контуры принятия решений. Поточковые системы обработки заявок ускоряют скоринговые процедуры, выравнивают качество оценки в масштабах портфеля и одновременно снижают долю человеческого фактора, уменьшая риск ошибок и преднамеренных манипуляций [6, с. 109]. Такой переход к машинно-управляемым пайплайнам не только повышает пропускную способность фронт- и мидл-офиса, но и стабилизирует метрики качества на горизонте всего жизненного цикла кредита.

На уровне методологии ключевым становится расширение информационного основания оценки. Традиционные подходы, опирающиеся на узкий набор признаков и экспертные правила, демонстрируют ограниченную предсказательную силу, особенно в условиях неполноты данных и субъективной калибровки порогов. Инструменты ИИ позволяют интегрировать существенно больше факторов, извлекать скрытые зависимости из разнородных источников и строить поведенческие прогнозы заемщиков, что повышает точность риск-стратификации и снижает вероятность латентных дефолтов [3, с. 45-58]. Параллельно автоматизируются рутинные операции и коммуникации с клиентами, а анализ аккумулируемых данных становится более оперативным и точным, что отражается на скорости процессов, себестоимости обслуживания и конкурентной позиции.

Цифровизация кредитного контура складывается из взаимодополняющих эффектов. Во-первых, транзакционные издержки сокращаются за счет тиражируемости вычислительных процедур и исключения повторяемых ручных действий. Во-вторых, улучшается клиентский опыт благодаря быстрому онбордингу и персонализированным решениям в моменте запроса. В-третьих, портфельное управление выигрывает от более корректных вероятностей

дефолта и потерь при дефолте, что усиливает устойчивость бизнеса на циклических фазах рынка [3, с. 45-58].

Макроэкономическая динамика подтверждает коммерческую зрелость подходов. Мировой рынок программного обеспечения для искусственного интеллекта в 2024 году превысил 71 млрд долларов, а совокупные доходы компаний от применения ИИ за последние пять лет выросли в 7 раз. Эти значения отражают не разовые выигрыши отдельных внедрений, а устойчивый тренд капитализации аналитических и операционных преимуществ, формируемых интеллектуальными системами.

Таблица

Динамика доходов от использования искусственного интеллекта

Год	Доход рынка ПО от ИИ
2018	\$10.1 млрд
2019	\$14.69 млрд
2020	\$22.59 млрд
2021	\$34.87 млрд
2022	\$51.27 млрд
2023	\$70.94 млрд
2024	\$94.41 млрд
2025	\$126 млрд

Российский финансовый контур демонстрирует высокий уровень цифровой зрелости, сопоставимый с практиками развитых юрисдикций. По пяти из шести ключевых метрик страна превышает среднемировые значения. При среднемировом индексе цифровизации в 45% российское значение достигает 51%. Динамика использования цифровых банковских сервисов опережает глобальные темпы на 8%, а по индексу цифровизации процедур закрытия счетов преимущество составляет 1% в пользу российских банков. Эти показатели фиксируют не локальные инициативы, а институциональную норму, в которую интегрируются и фронт-офисные, и бэк-офисные процессы.

Параллельно формируется сервисная модель государственного управления финансовыми отношениями через национальные цифровые платформы. Их развертывание открывает возможности для унификации регуляторных взаимодействий, ускорения транзакционных циклов и тиражируемой интеграции отраслевых сервисов в единую экосистему [4, с. 166-174]. В такой архитектуре

банки и финтех-компании получают технологическую основу для масштабирования ИИ-функций не только в рискованных модулях, но и в операционных ядрах.

Глобальная траектория подкрепляет локальные тенденции. Суммарные доходы от программного обеспечения, оборудования, услуг и продаж, связанных с ИИ, по оценкам будут расти на 19% ежегодно и к 2026 году достигнут 900 млрд долларов при базовом уровне 318 млрд долларов в 2020 году. Речь идет о продолжительной экспансии рынка, где капитализация идей конвертируется в устойчивые продуктовые линии и инфраструктурные решения.

От стандартов к практике переход осуществляют прежде всего системные игроки. Российские финансовые организации уже вывели ИИ за рамки классических задач скоринга и кластеризации клиентских сегментов. В ПАО «Сбербанк» в 2022 году машинные модели приняли 99% решений по кредитным заявкам, а человеческое вмешательство потребовалось лишь в 1% случаев [8]. Этот показатель иллюстрирует зрелость пайплайнов данных и надежность встроенных механизмов контроля качества.

Смена технологической парадигмы отчетливо заметна в противодействии финансовому мошенничеству. Если раньше доминировала закупка внешних коробочных продуктов, ограниченных реактивной блокировкой подозрительных транзакций, то сегодня банки проектируют собственные платформы фрод-мониторинга. В их ядре работают методы машинного обучения, включая глубокое обучение (Deep Learning), логистическую регрессию, случайные леса, градиентный бустинг и различные типы нейронных сетей [5, с. 23-30]. Такая модульность позволяет наращивать чувствительность детекторов и снижать уровень ложноположительных срабатываний без ущерба для клиентского опыта.

Несмотря на позитивные эффекты, барьеры сохраняются. Существенная часть организаций сталкивается с дефицитом высококачественных датасетов для обучения моделей. Источники гетерогенны, данные неполны либо нерепрезентативны, что затрудняет калибровку и валидацию. На фоне расширения

цифровых периметров растет частота кибератак, повышая требования к отказоустойчивости и безопасности инфраструктуры. Существенны и капитальные затраты. Внедрение ИИ предполагает инвестиции в вычислительные мощности, инженерные компетенции и переподготовку персонала, из-за чего часть игроков откладывает проекты. Отдельной линией проходит поведенческий фактор. Для части клиентов старше 50 лет отказ от личного контакта с сотрудником банка сопряжен с психологическим дискомфортом и пользовательскими затруднениями при работе с новыми цифровыми продуктами.

Экономическая логика при этом остается убедительной. Долгосрочные выгоды от применения ИИ в банковской сфере оценены как обоснованные и окупаемые. Эффект складывается из повышения операционной эффективности, ускорения обработки данных и более точной риск-стратификации, что улучшает устойчивость бизнеса в фазах рыночной волатильности [2, с. 47-59]. Усиление аналитических блоков одновременно поддерживает персонализацию клиентских предложений, что приводит к росту вовлеченности аудитории и снижению издержек на обслуживание.

В результате складывается целостная картина. На макроуровне рынок ИИ быстро расширяется с предсказуемой траекторией роста. На мезоуровне государственные цифровые платформы задают инфраструктурный стандарт сервисности [4, с. 166-174]. На микроуровне банковские пайплайны переходят к внутренним высокоточным решениям по фроду, рискам и операционной автоматизации, подтверждая, что интеллектуальные технологии перешли из пилотной стадии в режим масштабной промышленной эксплуатации [5, с. 23-30; 8].

В периметре киберзащиты банков всё шире используются системы обнаружения и предотвращения вторжений IDS/IPS и платформы управления событиями безопасности SIEM. Эти решения аккумулируют и нормализуют потоки телеметрии, формируют целостную картину инцидентов, визуализируют аномалии в виде тепловых карт, моделируют варианты реагирования и позволяют минимизировать последствия атак за счёт раннего оповещения и

оркестрации ответных действий [10]. Усиление оборонительного контура повышает общую устойчивость операционной среды и снижает нагрузку на ручные процедуры мониторинга.

На стороне поведенческой аналитики машинное обучение обеспечивает высокодетализированное профилирование как физических, так и юридических лиц. В едином вычислительном контуре одновременно отслеживаются сотни признаков – частота и структура покупок, средний чек, объёмы и направления переводов, геолокационные метки операций, темп и характер изменений транзакционной активности. Такой подход повышает чувствительность к фроду и поддерживает оптимизацию бизнес-процессов. Для выделения атипичных кластеров транзакций применяются алгоритмы k-средних и DBSCAN, что позволяет сегментировать массивы данных и выделять области риска с минимальным участием экспертов [11].

Синергия этих подходов – кластеризация потоков k-средних и DBSCAN, последовательностные модели RNN, инструменты NLP и контуры IDS/IPS-SIEM – обеспечивает переход от разрозненных точечных правил к интегрированным системам принятия решений. Результат выражается в более раннем выявлении аномалий, сокращении ложноположительных срабатываний, ускорении инцидент-менеджмента и повышении эффективности операционных процессов на всём протяжении жизненного цикла транзакций [11].

Практика российских банков подтверждает прикладную ценность графового анализа. В кредитовании МСП он уже выступает не вспомогательным, а базовым фильтром риска. Так, АО «Газпромбанк» использует графовые алгоритмы для картирования связей между компаниями и их учредителями на этапе предварительного скоринга. Модели выявляют латентные риски – например, вывод ликвидности через подставные структуры – и немедленно эскалируют кейсы аналитикам. Этот инструмент закреплён в регламенте ранней проверки кредитоспособности и фактически стал стандартом due diligence [1].

Сдерживающие факторы носят преимущественно институциональный характер. Медленное масштабирование инициатив объясняется культурными

и политико-правовыми ограничителями, требованиями к защите данных, а также дефицитом специализированных компетенций по безопасной эксплуатации ИИ/ML. По мере расширения сфер применения к перечню рисков добавляются вопросы репрезентативности и качества исходной информации. Центральные банки, традиционно избегающие выборочного смещения, сталкиваются с нетрадиционными и неструктурированными массивами данных, где предвзятость и шум могут материализоваться в ошибочных выводах.

Литература

1. Багреева Е.Г., Исмаилов Н.Э., Бобылева Л.М. Искусственный интеллект как противодействие мошенничеству в банковской сфере // Евразийская адвокатура. 2022. № 2 (57). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48726346>.
2. Бенеш А.А., Гордеев В.В. Роль искусственного интеллекта в управлении рисками банков // Финансовые технологии. – 2020. – № 5. – С. 47-59.
3. Брыксина И.В. Цифровая трансформация финансового сектора: проблемы и перспективы // Финансовые исследования. – 2019. – Т. 7, № 3. – С. 45-58.
4. Вовченко Н.Г., Костоглодова, Е.Д. Цифровая трансформация финансового сектора в контексте использования возможностей технологии искусственного интеллекта // Вестник РГЭУ РИНХ. – 2021. – № 2 (74). – С. 166-174.
5. Гаврилова Э.Н. Искусственный интеллект в финансовой сфере: эволюция, возможности и перспективы использования // Вестник Московского университета имени СЮ Витте. Серия 1: Экономика и управление. – 2024. – №. 3 (50). – С. 23-30.
6. Горин А.А. Влияние блокчейн-технологий на развитие финансовых рынков // Вестник Московского университета. Серия 13: Экономика. – 2020. – № 3. – С. 109.
7. Груднева А.А. Актуальные направления развития финансовых технологий на базе искусственного интеллекта // Проблемы теории и практики управления. – 2024. – №1-2. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=65584394>.
8. Гурьянов А.И., Гурьянова Э.А. Анализ рынка искусственного интеллекта Российской Федерации // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2023. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-rynka-iskusstvennogo-intellekta-rossiyskoy-federatsii>.
9. Саламова А.А., Федоровская И.Е., Васильев И.И. Роль искусственного интеллекта в финансах // Финансовые рынки и банки. 2023. № 1. С. 68.
10. Степанян Е.А., Ящук Л.С. Перспективы внедрения ИИ в финансовых технологиях российских компаний // Экономика и бизнес: теория и практика. 2024. № 3-2 (109). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-vnedreniya-ii-v-finansovyh-tehnologiyah-rossiyskih-kompaniy>.
11. Цирельсон С.К. Роль искусственного интеллекта в финансах // Экономическое образование: новые возможности. 2024. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=68542589>.

**RESEARCH ON A MULTIMODAL DATA-DRIVEN MODEL
FOR MONITORING AND INTELLIGENT EARLY WARNING
OF LEARNERS' PSYCHOLOGICAL STATES IN SMART EDUCATION**

Jiang Hanwei

Postgraduate student at the Faculty of Pedagogy and Psychology,
Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty

***Abstract.** The deep integration of artificial intelligence and information technology has propelled smart education into a new stage of development. With the widespread adoption of intelligent learning environments, blended learning that combines online and offline modes has become the norm. The mining and analysis of multimodal data have provided new approaches for monitoring teaching and learning. However, negative psychological states that learners are prone to experience in digital learning contexts, such as learning anxiety and mental fatigue, have become a prominent issue affecting the high-quality development of smart education. Therefore, the precise monitoring and timely early warning of learners' psychological states have also become an important research direction in the field of smart education.*

At present, there are still many limitations in monitoring learners' psychological states in smart education. Monitoring often relies on single-modal data and subjective self-reports, which makes it difficult to comprehensively represent the complex psychological states of learners. In addition, targeted monitoring systems have not yet been established in accordance with the diverse learning scenarios of smart education, resulting in insufficient contextual adaptability in data collection and analysis. Grounded in Triadic Reciprocal Determinism and Embodied Cognition Theory, this study aims to construct a multimodal data-driven model for monitoring and intelligent early warning of learners' psychological states.

***Keywords:** smart education, psychological states of learners, deep learning, multimodal data, multimodal data fusion, artificial intelligence in education, learning anxiety, mental fatigue, attention deficit.*

1. Introduction

The core goal of smart education is to promote learners' deep learning and holistic development, and learners' psychological states are a key factor influencing the effectiveness of deep learning. In digital learning contexts, learners are highly susceptible to negative psychological states such as learning anxiety, mental fatigue, and lack of concentration due to factors including an accelerated learning pace, changes in interaction patterns, and increased demands for self-directed learning. If these states cannot be identified and addressed in a timely manner, they may seriously affect learners' engagement and learning outcomes. However, current research on monitoring learners' psychological states in smart education still has many shortcomings. First, monitoring methods mostly rely on single-modal behavioral data and

learners' subjective self-reports, making it difficult to comprehensively and objectively represent the complex psychological states of learners. Second, targeted monitoring systems have not been developed in accordance with the diverse learning scenarios of smart education, resulting in a lack of contextual adaptability in data collection and analysis and greatly reducing the accuracy of monitoring results. Third, most monitoring efforts remain at the level of shallow data processing and state recognition, making it impossible to achieve real-time perception and proactive early warning of negative psychological states, and thus difficult to connect with subsequent educational intervention.

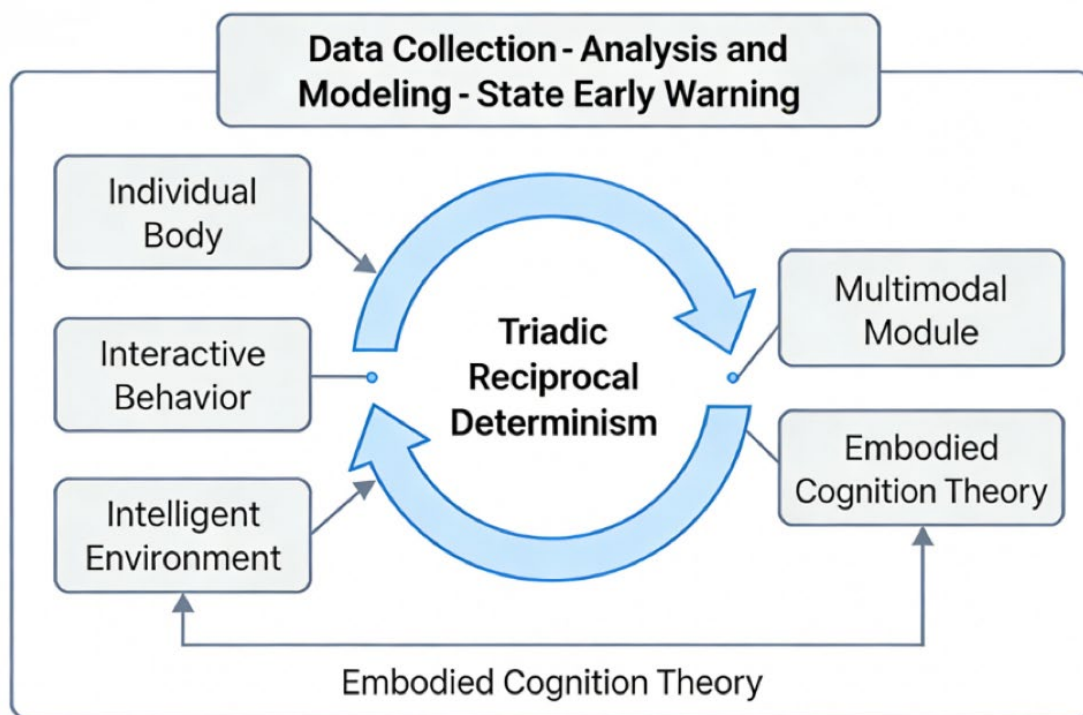

Fig. 1

The development of multimodal data fusion technologies and artificial intelligence algorithms has provided technical possibilities for addressing these problems. Compared with unimodal data, multimodal data can comprehensively capture learners' external characteristics from multiple dimensions, including physiological, behavioral, and environmental aspects, thereby enabling more accurate inference of their implicit psychological states.

Based on Triadic Reciprocal Determinism and Embodied Cognition Theory, this study integrates three categories of multimodal data – individual physical data, interaction behavior data, and intelligent environment data – and, in combination

with typical learning scenarios in smart education, constructs a model for monitoring and intelligent early warning of learners' psychological states. The study aims to achieve precise, real-time monitoring and graded early warning of learners' negative psychological states, provide new ideas and methods for safeguarding learners' mental health in smart education, and promote the development of smart education toward greater personalization and refinement.

2. Theoretical Foundations and Classification of Multimodal Data

2.1. Core Theoretical Foundations

The theoretical foundations of this study are mainly Triadic Reciprocal Determinism and Embodied Cognition Theory, both of which provide important theoretical support for the classification of multimodal data and the identification of dimensions for psychological state monitoring.

Triadic Reciprocal Determinism was proposed by Bandura. This theory holds that human learning and development in social contexts are influenced by the interaction among individual factors, behavior, and environment, which together form a dynamic interactive system. In smart education contexts, learners' psychological states, as core individual characteristics, do not emerge or change in isolation; rather, they are closely related to learners' learning behaviors and the intelligent learning environments in which they are situated.

2.2. Classification of Multimodal Data in Smart Education

Based on Triadic Reciprocal Determinism and Embodied Cognition Theory, and in combination with the contextual characteristics of smart education, the multimodal data used to monitor learners' psychological states can be classified into three categories: individual physical data, interaction behavior data, and intelligent environment data. These three types of data complement one another and jointly form a comprehensive representation system of learners' psychological states.

Individual physical multimodal data are the most direct source of information for reflecting learners' psychological states, mainly including physiological indicator data and individual movement data. Physiological indicator data include measures such as electrodermal activity, electroencephalographic changes, and heart

rate variation, which can accurately capture physiological responses caused by changes in psychological states, such as accelerated heart rate and enhanced electro-dermal responses under anxiety.

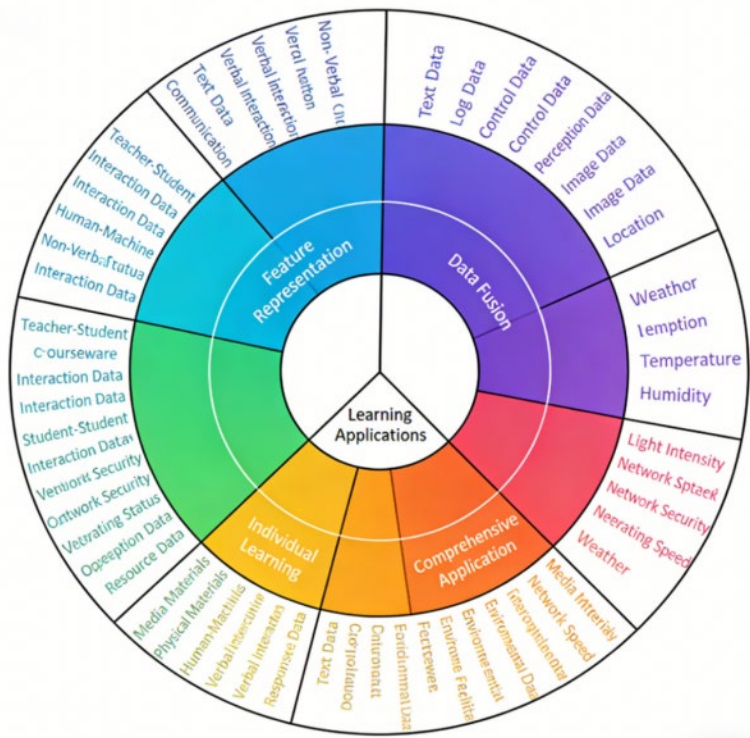

Fig. 2

3. Existing Problems in Monitoring Learners' Psychological States in Smart Education

Although research on monitoring learners' psychological states in the field of smart education has made certain progress, it still faces many urgent challenges due to limitations in technical methods, scenario adaptability, and data-processing capacity. These problems are mainly reflected in the following three aspects.

First, the sources of monitoring data remain relatively single, and multidimensional integration is insufficient. Existing monitoring approaches mainly rely on a single type of behavioral data, such as online learning duration or the number of video views, or on learners' subjective self-report scales. Such methods are insufficient to comprehensively represent learners' psychological states. On the one hand, single-source behavioral data are superficial in nature and fail to reveal the psychological motivations underlying the observed behaviors. For example, the same amount of video-watching time may correspond to different levels of attention. On

the other hand, subjective self-report scales are characterized by time lag and subjectivity. Learners may fail to accurately reflect their true psychological states due to cognitive bias or psychological defense mechanisms, which reduces the objectivity and accuracy of the monitoring results.

Second, there is a lack of scenario adaptability, resulting in a homogenized monitoring system. Smart education includes a variety of typical learning scenarios, such as teacher instruction, group discussion, online self-directed learning, and practical or experimental activities. Learners' behaviors, interaction patterns, and manifestations of psychological states differ significantly across these scenarios. However, existing monitoring studies have not developed targeted monitoring systems based on scenario-specific characteristics. Instead, they tend to adopt homogeneous monitoring indicators and data-collection methods.

4. Practical Value and Future Prospects of the Model

The multimodal data-driven model for monitoring learners' psychological states and providing intelligent early warning, as constructed in this study, offers a novel technological pathway and practical paradigm for safeguarding learners' mental health in smart education. It demonstrates significant theoretical and practical value.

At the theoretical level, the model integrates triadic reciprocal determinism, embodied cognition theory, educational psychology, and artificial intelligence technologies, thereby enriching the theoretical framework of smart education and learner-state monitoring. It also provides a valuable theoretical reference for the application of multimodal data in the field of educational psychology.

At the practical level, the model overcomes the limitations of traditional psychological state monitoring approaches, which rely on single-modality data and subjective self-report measures [1, p. 1035]. It enables scenario-based, precise, and real-time monitoring of learners' psychological states. Furthermore, the model establishes a graded early-warning mechanism and a closed-loop feedback system, effectively linking monitoring outcomes with educational interventions. This allows for timely identification and mitigation of learners' negative psychological states,

thereby promoting mental well-being and enhancing learning engagement as well as deep learning outcomes.

In addition, the model provides teachers with a visualized interface for monitoring learners' psychological states, enabling them to gain a comprehensive understanding of learners' overall learning conditions. This supports the implementation of personalized instructional adjustments and facilitates the transformation of smart education from “data-driven” approaches to “precision-oriented education.”

References

1. Mangaroska K., Martinez-Maldonado R., Vesin B., et al. Challenges and opportunities of multimodal data in human learning: The computer science students' perspective // *Journal of Computer Assisted Learning*. 2021. No. 4. P. 1030-1047.
2. Wang Y., Zhang R., Zhu H., Yang Y., Zu Z. Multimodal data-driven intelligent prediction method and application of coal prices // *Journal of China University of Mining and Technology*. P. 1-13.
3. Wei H. Research on the construction of a “curriculum model” under the integration of smart education and art education from the perspective of intelligent technology and artistic intelligence: Dissertation. China Academy of Art, 2024.
4. Yang L., Fu H. Research on the realistic dilemmas, implication reconstruction, and practical paths of artificial intelligence-empowered personalized learning // *Journal of Beijing University of Chemical Technology (Social Sciences Edition)*. 2025. No. 4. P. 99-106.
5. Yang Y., Xu G., Tong H. Research on deep learning monitoring based on multimodal data in intelligent learning environments // *E-Education Research*. 2022. Vol. 43. No. 6. P. 68-76.
6. Zhang Z. Research on the construction and application of a human-computer collaborative teaching interaction model: Dissertation. Central China Normal University, 2025.

SOME NEW APPROACHES TO THE USE OF REGIONAL STUDIES MATERIALS AT ENGLISH LESSONS

Mirzozoda Shahnoza Mirzo

Applicant of the Department of Social and Professional Pedagogy,
Khujand State University named after acad. B.Gafurov,
Republic of Tajikistan, Khujand

***Abstract.** The given article dwells on some new approaches to the use of regional studies materials at English lessons. The primary goal of teaching a foreign language is no longer confined to the acquisition of grammatical structures and lexical units; rather, it encompasses the formation of intercultural communicative competence.*

***Keywords:** local history materials, communicative competence, foreign language teacher training.*

1. Introduction

In the contemporary landscape of language education, the shift from a purely linguistic model of instruction to a communicative and socio-cultural paradigm has become increasingly pronounced. This competence enables learners to act as mediators between their native culture and the culture of the target language, fostering mutual understanding and effective interaction. Within this framework, Regional Studies (or Country Studies) materials authentic texts, audio-visual resources, and cultural artifacts – serve as an indispensable vehicle for contextualizing language learning, providing the necessary cultural background against which linguistic phenomena can be accurately interpreted and used.

However, traditional methodologies often treat Regional Studies as a supplementary component, a repository of factual knowledge about geography, history, and literature, delivered through a largely descriptive and receptive approach. This conventional use frequently fails to engage students actively or to develop the critical thinking and analytical skills essential for navigating the complexities of intercultural dialogue. The digital age, characterized by the proliferation of authentic online content and the emergence of new pedagogical theories such as constructivism, multimodality, and task-based language teaching (TBLT), necessitates a fundamental reassessment of how regional studies materials are integrated into the English as a Foreign Language (EFL) classroom.

2. Methods and Materials

This study employed a mixed-methods research design, combining qualitative and quantitative approaches, to investigate the effectiveness of three new approaches to using Regional Studies materials. The research was conducted over one academic semester (16 weeks) at the Department of Social and Professional Pedagogy. The methodological framework was structured as follows:

2.1. Participants

The study involved 68 second-year undergraduate students, divided into a control group (CG, n=34) and an experimental group (EG, n=34). The participants, aged 19-21, had a pre-intermediate to intermediate level of English proficiency (B1-B2 according to the Common European Framework of Reference for Languages). Both groups were taught by the same instructor and followed the same core curriculum. However, while the CG used Regional Studies materials through traditional methods (textbook reading, teacher-led presentations, factual quizzes), the EG was exposed to materials through the three selected new approaches.

2.2. Materials

The Regional Studies materials used for both groups were authentic and covered the same overarching themes related to English-speaking countries (e.g., social issues, cultural traditions, political system, art, and education). For the EG, these materials were curated and utilized according to the specific approach:

Approach 1: Project-Based Learning with Digital Storytelling: Students were tasked with creating short digital stories (5-7 minutes) using tools like Canva and Adobe Spark. The projects focused on comparative cultural analysis, such as “The Perception of Public Spaces in the UK and My City” or “Modern British Youth Subcultures vs. Local Counterparts.” Materials included authentic video blogs (vlogs), podcasts, online news articles, and photo essays.

Approach 2: Critical Discourse Analysis (CDA) of Media Texts: Students analyzed a corpus of British and American media texts (newspaper editorials, news broadcasts, political speeches, and social media campaigns) on contemporary issues (e.g., sustainability, social movements). The focus was on deconstructing linguistic

strategies, identifying bias, and understanding the socio-political context that shapes the discourse.

Approach 3: Virtual Exchanges (VE): A cohort of students was paired with a group of students from a partner university in the UK. Using a structured VE model, students engaged in asynchronous forum discussions and synchronous video conferences. Regional Studies materials served as stimuli for discussion, such as comparing and contrasting cultural artifacts, holiday traditions, and everyday practices.

3. Main results

The analysis of the collected data revealed significant differences between the control and experimental groups, indicating the effectiveness of the proposed new approaches.

3.1. Linguistic Outcomes

The pre-test scores for both groups were statistically similar. In the post-test, the experimental group demonstrated a significantly higher level of lexical complexity and socio-cultural vocabulary retention. The average score for the EG on the lexical competence test increased from 62.4 to 85.7 ($p < 0.01$), compared to the CG, which increased from 61.8 to 72.3 ($p < 0.05$). The qualitative analysis of VE transcripts and digital storytelling projects showed that EG students incorporated a wider range of authentic colloquialisms, culturally bound terms (e.g., “gentrification,” “welfare state,” “Brexit”), and discourse markers into their active vocabulary. Students in the CG, while able to recall cultural facts, used more generic and textbook-based language.

3.2. Intercultural Communicative Competence (ICC)

The questionnaire on ICC revealed a substantial increase in the EG’s self-reported ability to analyze cultural phenomena from multiple perspectives. The pre-test showed no significant difference in ICC scores between the groups. The post-test, however, indicated a marked improvement in the EG (mean increase of 32%) compared to the CG (mean increase of 9%). The thematic analysis of interviews supported this. One EG student noted, “Analyzing British news editorials made me realize that there isn’t just one ‘British opinion.’ It taught me to question my own

assumptions and see why people act the way they do.” The CDA approach was explicitly cited as a catalyst for developing critical cultural awareness.

3.3. Engagement and Motivation

Analysis of classroom observation notes and student interviews indicated a significantly higher level of engagement in the EG. The project-based learning and virtual exchange elements were particularly noted for their motivational impact. The authenticity of the task – creating a product for a real audience (the partner university) and interacting with native speakers – was a recurring theme. A student from the EG stated, “It stopped feeling like a lesson. I was using English to understand real people, real places and to explain my own culture. That’s why I remembered the vocabulary and the cultural concepts – because I lived through them.” In contrast, students in the CG described the Regional Studies lessons as “interesting but passive,” with information retention being the primary goal.

3.4. Critical Thinking Skills

The final projects (digital stories) from the EG demonstrated a high level of critical analysis. Rather than simply presenting facts about a country, students engaged in comparative analysis, problematized stereotypes, and drew evidence-based conclusions. For instance, one project on “The British Class System and Social Mobility” used a combination of sociological data, personal vlogs from British students, and historical analysis to deconstruct simplistic views. The CG’s final presentations, in comparison, were largely descriptive, focusing on landmarks, holidays, and historical figures with minimal critical commentary.

4. Discussion

The results of this study corroborate and extend the existing body of literature on the integration of culture in language teaching. The findings strongly suggest that the efficacy of Regional Studies materials is contingent not merely on their selection, but fundamentally on the pedagogical approach used to mediate them.

The success of the project-based learning with digital storytelling aligns with the principles of constructivism and task-based language teaching, as advocated by scholars like D. Nunan and J. Willis. By engaging in a meaningful, outcome-oriented

task, students were not passive recipients of cultural information but active agents in its exploration and representation. This finding challenges the traditional notion of Regional Studies as a static body of knowledge to be memorized. Instead, it supports the view that cultural learning is a dynamic, interpretive process. The digital storytelling component further amplified this by integrating multimodal literacy, requiring students to synthesize linguistic, visual, and auditory elements to convey complex cultural narratives, a skill increasingly vital in the 21st century.

The application of Critical Discourse Analysis (CDA) to media texts proved to be a powerful tool for developing what M. Byram terms “critical cultural awareness” (*savoir s’engager*). Traditional methods often present culture as a homogeneous, monolithic entity. The CDA approach, however, enabled students to perceive the target culture as a site of ideological contestation and diversity. By analyzing how language is used to construct social realities, power relations, and identities in the UK or USA, students moved beyond stereotypes. This approach transforms Regional Studies from a subject about “what” (facts) to a subject about “how” and “why” (processes, perspectives, and values). This is particularly crucial in an era where students are bombarded with fragmented information from various media sources, necessitating the skills to critically evaluate and interpret them.

Furthermore, the virtual exchange component introduced an element of intercultural dialogue that is impossible to replicate in a traditional classroom setting. As noted by O’Dowd and Lewis, telecollaboration provides a unique affordance for authentic interaction, where cultural knowledge is not merely studied but is actively negotiated and co-constructed in real-time communication. The combination of Regional Studies materials as a stimulus for these exchanges created a powerful pedagogical synergy. Students were not just learning about British culture from a textbook; they were discussing its nuances directly with British peers, leading to a deeper, more personalized understanding. The necessity to explain their own culture in English to a foreign audience also fostered a reflective understanding of their own cultural identity, a key component of ICC.

In contrast, the control group's experience with traditional methods, while providing a foundation of cultural facts, did not translate into the same levels of linguistic depth, critical thinking, or intrinsic motivation. This suggests that the mere inclusion of Regional Studies materials is insufficient; the methodology of their implementation is the decisive factor. The traditional, information-transmission model fails to harness the potential of these materials to develop higher-order cognitive skills and deep-seated communicative competence.

5. Conclusion

This study set out to investigate new approaches to the use of Regional Studies materials in English lessons, moving beyond the traditional, fact-based paradigm. The findings provide compelling evidence that innovative pedagogical strategies—namely project-based learning with digital storytelling, critical discourse analysis of media texts, and virtual exchanges—significantly enhance the educational outcomes associated with Regional Studies.

The pedagogical implications of this research are significant for EFL educators and curriculum designers. The integration of Regional Studies should be reconceptualized not as a supplementary component but as a core driver of language development and intercultural learning. This requires a shift from teacher-centered transmission to student-centered construction of knowledge, leveraging digital tools and authentic communicative tasks. Educators are encouraged to adopt the three approaches outlined in this study, adapting them to their specific contexts. The use of digital storytelling, for instance, empowers students to become creators of cultural content, while CDA equips them with the critical lens necessary to navigate the complex media landscape. Virtual exchanges, though logistically more demanding, offer an unparalleled platform for authentic, meaningful language use and intercultural dialogue.

Thus, the future of Regional Studies in language education lies in embracing its dynamic, contested, and multidimensional nature. By adopting approaches that prioritize analysis, creation, and interaction over passive reception, educators can fully realize the potential of Regional Studies materials to cultivate not only

linguistically proficient but also critically aware and interculturally competent global citizens.

References

1. Byram, M. (1997). *Teaching and Assessing Intercultural Communicative Competence*. Clevedon: Multilingual Matters.
2. Braun, V., & Clarke, V. (2006). Using thematic analysis in psychology. *Qualitative Research in Psychology*, 3(2), 77-101.
3. Kramsch, C. (1993). *Context and Culture in Language Teaching*. Oxford: Oxford University Press.
4. Nunan, D. (2004). *Task-Based Language Teaching*. Cambridge: Cambridge University Press.
5. O'Dowd, R., & Lewis, T. (Eds.). (2016). *Online Intercultural Exchange: Policy, Pedagogy, Practice*. New York: Routledge.
6. Safonova, V. V. (2014). *Культуроведение в системе современного языкового образования [Cultural Studies in the System of Modern Language Education]*. Moscow: Euroshkola.
7. Ter-Minasova, S. G. (2018). *Язык и межкультурная коммуникация [Language and Intercultural Communication]*. Moscow: Moscow State University Press.
8. Tomalin, B., & Stempleski, S. (1993). *Cultural Awareness*. Oxford: Oxford University Press.
9. Willis, J. (1996). *A Framework for Task-Based Learning*. Harlow: Longman.

A REVIEW OF INSTITUTION-RELATED PREDICTORS OF ACCULTURATIVE STRESS AMONG INTERNATIONAL STUDENTS IN HIGHER EDUCATION

Xiao Zheyang

Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty

Zhumabekova Kyrmyzy

Senior Lecturer of the Department of Pedagogy and Educational Management,
Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty

***Abstract.** International students are a vulnerable population within higher education systems and frequently experience substantial acculturative stress as they navigate unfamiliar academic, cultural, and institutional environments. This paper examined existing systematic reviews and empirical studies to explore how institution-related factors contribute to and predict such stress. Specifically, the literature review focused on academic policies, administrative processes, campus climate, and the availability and quality of institutional support systems that are central to promoting student well-being and successful adjustment. The synthesis of findings demonstrates that institutional conditions can function as either significant stressors or critical protective resources, depending on their clarity, responsiveness, and inclusivity. However, meaningful comparison across studies remains challenging, as institutional predictors are often conceptualized inconsistently and measured using diverse outcomes and instruments. In addition, many studies are limited by insufficient methodological rigour, including cross-sectional designs and weak analytical approaches. Looking forward, future research should more precisely identify the mechanisms through which institutional factors influence acculturative stress and determine the magnitude of these effects over time. The development of consistent indicators, alongside stronger and more rigorous research designs, is essential for advancing evidence-based strategies aimed at addressing the institutional determinants of international student acculturative stress.*

***Keywords:** institutional-related factors, acculturative stress, international students, higher education, literature review.*

Introduction

Acculturative stress refers to a set of psychological and sociocultural responses that arise when individuals are required to navigate unfamiliar norms, values, social expectations, and institutional practices within a new cultural environment [2, p. 43-57; 22]. For international students, this process is particularly complex, as cultural adaptation occurs simultaneously with academic adjustment, language demands, and changes in social identity. These overlapping challenges place international students in a uniquely vulnerable position within higher education systems. As a result, structured and reliable institutional support is widely recognized as essential for facilitating healthy adaptation and protecting students' psychological well-being [17]. In response to increasing global student mobility, higher education

frameworks and internationalization policies have increasingly emphasized the responsibility of host institutions to provide comprehensive academic, administrative, and psychosocial support aimed at promoting international students' integration and well-being [3].

Despite this recognition, much of the existing research on acculturative stress has predominantly focused on individual-level determinants. Prior studies have highlighted the importance of psychological resources, linguistic proficiency, coping strategies, and intercultural interactions in shaping students' adjustment experiences [14, p. 262-282; 23, p. 15-28]. These factors have been shown to significantly influence emotional well-being, academic functioning, and sociocultural adaptation [15]. However, while such individual and interpersonal variables offer valuable insight, they provide only a partial explanation of international students' stress experiences. An exclusive emphasis on individual coping implicitly places responsibility for adaptation on students themselves, while overlooking the broader structural and institutional conditions that shape their daily academic and social realities [18].

Emerging evidence increasingly suggests that institutional environments play a critical role in shaping international students' adjustment trajectories. Students' perceptions of institutional clarity, responsiveness, fairness, and inclusivity have been found to be strongly associated with their sense of stability, competence, and belonging within the host environment [6; 10, p. 72-85]. Institutional practices such as academic advising quality, administrative communication, policy transparency, and the accessibility of support services are well established as key predictors of engagement, satisfaction, and persistence in the broader higher education literature [13, p. 29-56; 19]. However, the specific contribution of these institution-related factors to acculturative stress among international students remains comparatively underexamined. Given the substantial variation in institutional structures, policies, and support systems across national and educational contexts, the cumulative impact of these structural conditions on acculturative stress is not yet well understood [1, p. 131-154].

Addressing this gap, the present review synthesizes existing conceptual and empirical evidence on institution-related predictors of acculturative stress among international students. The review aims, first, to identify the institutional factors most commonly cited as contributors to stress and to examine how levels of stress vary under differing conditions of institutional support. Second, it explores which institutional practices are most strongly associated with elevated or reduced stress and how these practices are perceived and interpreted by international students themselves. Third, the review assesses the extent to which institutional support predicts changes in acculturative stress over time, with particular attention to students' interpretations of institutional absence, inefficacy, or inconsistency during the adaptation process. Following this introduction, Section 2 outlines the methodological approach employed in the review. Section 3 presents the synthesized findings, Section 4 discusses their theoretical and practical implications, and Section 5 offers the final conclusion.

Methods

Review Type and Scope

The methodology employed for this paper is a narrative review, which followed narrative synthesis principles to systematically identify, categorize, and synthesize conceptual and empirical evidence on the relationship between institutional factors and acculturative stress. The scope of the review was intentionally broad to capture diverse evidence across multiple disciplines, including higher education research, cross-cultural psychology, and counselling, ensuring a comprehensive understanding of structural predictors. The overall aim of the synthesis was structured around six guiding questions, designed to systematically move from descriptive identification to predictive and interpretive understanding of the phenomenon.

Data Sources and Search Strategy

The literature search was conducted across four major academic databases: Scopus, Web of Science, Education Resources Information Center (ERIC), and Google Scholar. This combination ensured coverage of both social sciences and

educational psychology literature. A comprehensive search string combining thematic concepts and logical operators was employed:

"(international students" OR "international student") AND ("acculturative stress" OR "acculturation stress" OR "cross-cultural adjustment") AND ("institutional support" OR "institutional factors" OR "campus climate" OR "administrative processes" OR "university policy"

Inclusion and Exclusion Criteria

The literature base was selected using predefined criteria to ensure relevance and quality. Inclusion criteria included: (1) Peer-reviewed empirical studies (qualitative, quantitative, and mixed methods) to ensure analytical rigour; (2) Literature published in the English language; (3) A publication date range of 2005–2025 to capture contemporary research; and (4) A primary focus on international students in higher education contexts. Studies were excluded if they were purely theoretical papers or commentaries, did not focus primarily on institution-related predictors, or were categorized as grey literature, such as dissertations and book chapters.

Selection Process and Analytical Approach

The initial search across the four databases yielded a substantial pool of potential records. Following the removal of duplicates and an initial screening based on titles and abstracts, full-text articles were retained for detailed assessment against the criteria. The final synthesis included 24 empirical studies and comprehensive reviews that met all inclusion requirements.

The analytical approach utilized thematic consolidation. Key findings related to institutional predictors, student perceptions, and support roles were systematically extracted using a standardized extraction table. These findings were then categorized based on recurring themes and causal pathways identified across the guiding questions, forming the basis for the thematic structure presented in the Results section.

Results

As shown in table 1, from the final pool of 24 empirical studies and comprehensive reviews included in the synthesis, institution-related predictors emerged as highly salient determinants of acculturative stress among international students.

Across the literature, three overarching thematic domains were consistently identified: (1) the structural design of institutional stressors, (2) institutional support as a protective and predictive factor, and (3) students' interpretations of institutional presence and absence. These thematic areas collectively delineate how institutional conditions shape, exacerbate, or mitigate acculturative stress experiences, providing a detailed empirical response to the guiding questions of this review.

Structural Design and Identification of Core Institutional Stressors

Institutional stressors were identified as structural deficiencies embedded within academic policies, administrative systems, and campus environments. These predictors clustered into four highly interrelated categories, each contributing significantly to elevated acculturative stress levels. Geographically, these structural issues were reported consistently across diverse host countries, including those in the Middle East (Egypt), North America (Canada), Asia (Malaysia), and Africa (Ghana), suggesting they represent universal structural challenges in international student adjustment.

1. Ambiguous Academic Structures

Academic policies, assessment standards, and pedagogical inconsistencies emerged as primary sources of profound uncertainty. Empirical studies frequently associated excessive workload expectations, unclear grading criteria, and inconsistent instructional practices with heightened stress [9; 11, p. 496-508]. For instance, quantitative findings indicated that a perceived lack of academic clarity was a direct and significant predictor of student anxiety and stress scores. This ambiguity was not solely confined to course material; it extended to unwritten expectations regarding academic integrity, classroom participation norms, and faculty interaction protocols, forcing students to navigate unfamiliar academic cultures independently. This independent navigation significantly magnified their cognitive and emotional burden.

Furthermore, a critical structural deficiency identified was the absence of formalized academic language and writing support. Several reports highlighted that international students felt inadequately prepared for the high-stakes demands of

academic writing in a second language, and the institutional failure to provide structured support compounded this difficulty [4, p. 115-131]. This pattern, where academic ambiguity contributes directly to distress, aligns with broader adjustment literature but is amplified for students managing a simultaneous linguistic and cultural transition. The literature also reported that inconsistent application of policies across academic departments amplified feelings of unfairness and distress among students seeking clarification.

2. Inefficient Administrative Bureaucracy

Administrative infrastructures, particularly in relation to high-stakes procedural requirements such as visa documentation, continuous enrollment procedures, financial clearance, and housing allocation, were repeatedly cited as institutional sources of significant strain. Prolonged processing times, complex, multi-step bureaucratic processes, and insufficient administrative guidance significantly intensified uncertainty [7]. Studies using qualitative approaches reported student narratives filled with anxiety surrounding the timely processing of documents essential for maintaining legal compliance or housing security.

Inconsistent or delayed communication from key administrative offices (e.g., the registrar, international student office) was consistently found to amplify insecurity regarding students' academic standing or legal compliance [21, p. 119-140]. This procedural opacity aligns strongly with prior findings that administrative complexity is a major structural determinant of international student stress, often overwhelming students who lack familiar coping mechanisms for navigating the host country's bureaucracy. Moreover, logistical challenges managed by the institution—such as the quality of housing and availability of culturally appropriate food services—were identified as direct administrative stressors, particularly for newly arrived students [9]. The administrative system, therefore, often functions as a sustained, chronic stressor throughout the academic journey rather than a supportive framework.

3. Inaccessible Campus Climate

The broader campus climate, encompassing perceptions of inclusivity, cultural responsiveness, and fairness, was identified as a core predictor of stress independent of direct administrative services. Students who perceived their institutional environment as culturally unresponsive or exclusionary reported heightened acculturative stress and increased feelings of marginalization [8, p. 99-122]. This perceived exclusion was manifested not only through overt discrimination but also via institutional silence regarding diversity issues, lack of visibly inclusive socio-cultural initiatives, and a prevailing monocultural campus narrative.

Quantitative studies demonstrated a statistically significant inverse correlation between a positive, inclusive campus climate and students' self-reported acculturative stress scores. Furthermore, the lack of institutional effort to integrate international students into the social fabric—often perceived through fragmented or segregated social activities – created social anxiety and hindered the development of crucial social ties. Students interpreted institutional climates lacking visible diversity initiatives as symbolically unsupportive, feeling that their cultural identities were neither acknowledged nor valued. This institutional atmosphere then contributed to psychological distress by eroding the essential sense of belonging and psychological safety required for successful adaptation.

4. Fragmented Support Services

The final structural stressor identified was the presence of fragmented, inconsistent, or under-resourced support services (e.g., counseling, international student services). Weak coordination among these services resulted in students losing access to essential coping resources and experiencing heightened acculturative difficulty [5; 16, p. 3882-3888]. Specifically, the literature highlighted that support services often lacked cultural sensitivity or were complicated by burdensome access protocols (e.g., lengthy counseling wait times, complex referral processes), making them virtually inaccessible during critical periods of distress.

Comparative research revealed that the depth (quality, ease of use) of a service was a stronger predictor of stress reduction than its breadth (number of services

offered). The absence of integrated, easily navigable support pathways parallels findings in student service effectiveness research, showing that fragmentation inherently limits help-seeking behavior and increases psychological vulnerability. Students reported that when they had to explain their crisis multiple times across different, disconnected offices, their stress levels intensified, often leading them to abandon the help-seeking process entirely.

Institutional Support as a Protective and Predictive Factor

The quality and accessibility of institutional support consistently emerged as a critical moderator of acculturative stress, demonstrating both immediate protective effects and significant predictive value over time.

Students who perceived their institutions as responsive, transparent, and well-structured reported significantly lower levels of acculturative stress [9]. Supportive environments reduce cognitive load by providing explicit guidance and certainty, which in turn increases students' confidence in navigating academic and cultural demands. Quantitative meta-analyses confirmed that perceived institutional support is consistently a strong negative correlate of stress and psychological maladjustment. Comparative studies demonstrated that even when students face comparable cultural distance challenges, institutions with cohesive, well-advertised support structures consistently yield lower student stress levels [8, p. 99-122]. These findings strongly align with cross-cultural adjustment models that position institutional support as a core ecological factor [12, p. 89-112].

Although longitudinal designs remain limited, the existing evidence strongly suggests that institutional conditions serve as significant predictors of change in acculturative stress over time, rather than just immediate buffers. Academic adjustment support, quality of housing, and coordinated student services were identified as direct predictors of reduced stress levels, especially during the initial transition period [9]. Other studies reported indirect effects, where strong institutional support systems reduced stress by mitigating psychological burden, enhancing self-efficacy, or promoting a sense of belonging, thereby shaping positive long-term stress trajectories [5; 16, p. 3882-3888]. Collectively, the literature positions institutional

support not merely as a temporary mitigating factor but as a fundamental structural determinant central to shaping sustainable, long-term adjustment patterns.

Student Perception and Interpretation of Institutional Absence

Across numerous qualitative and mixed-methods studies, international students reported that their stress experiences were strongly shaped by their interpretations of institutional responsiveness, particularly in contexts where resources, communication, or support were seen as insufficient. This thematic area provides crucial interpretive data often missing from purely quantitative analyses.

Students identified the clarity and stability of institutional procedures as crucial to maintaining their psychological stability. Transparent, consistent processes reliably alleviated stress, whereas ambiguous or frequently revised procedures produced overwhelming feelings of unpredictability and heightened anxiety [7; 20, p. 145-162]. This absence of procedural stability was particularly destabilizing for students who rely heavily on institutional guidance for basic survival and legal compliance during the initial adaptation period. Qualitative data characterized administrative confusion not as mere inconvenience, but as a chronic cognitive and emotional load.

Unresponsiveness from administrative or academic staff was frequently interpreted as a sign of institutional indifference or neglect. Delayed communication, inefficient bureaucratic processes, or dismissive interactions were reported as emotionally taxing and functioned as perceived signals of institutional disregard [7]. These interpretations intensified stress by undermining trust in institutional systems and eroding the student's belief that help would be available when needed. Studies found that this erosion of trust directly contributed to social and academic withdrawal.

Students linked the absence of necessary supports, especially related to language and career skill development, to an erosion of their perceived competence [11, p. 496-508]. They felt the institution failed to equip them with the tools required for success in the host environment. Furthermore, the lack of institutional efforts to cultivate welcoming, inclusive environments weakened students' sense of belonging

[24, p. 427-447]. Students consistently interpreted institutional absence not only as the lack of a tangible resource but as a symbolic lack of recognition, care, and structural scaffolding essential for adaptive stability. This symbolic interpretation transforms a structural failure into a deeply personal source of acculturative stress.

Table

Synthesis of Institutional Stressors and Mechanisms Contributing to Acculturative Stress (N=24)

Thematic Category	Core Mechanism of Strain	Key Findings Reported in Literature	Supporting Literature
Ambiguous Academic Structures	Lack of clarity on expectations and policies; cognitive and emotional burden amplified by language barriers.	Unclear grading, inconsistent instructional practices, excessive workload, and absence of structured academic language support predict high stress.	Ibrahim et al. (2024); Lashari et al. (2023); Choi & Probst (2022); Zhang & Goodson (2011)
Inefficient Administrative Bureaucracy	Procedural opacity and delays in high-stakes areas (visa, finance, enrollment) create chronic insecurity.	Prolonged processing times, complex requirements, and delayed/inconsistent communication amplify anxiety and perceived threat to legal/academic standing.	Gyasi-Gyamerah et al. (2024); Torres-Arends et al. (2025); Ching (2022)
Inaccessible Campus Climate	Perceived exclusion, lack of responsiveness, or institutional silence on diversity issues.	Heightened acculturative stress, increased feelings of marginalization, and erosion of the essential sense of belonging required for adjustment.	Gyasi-Gyamerah et al. (2025); Zhao & Harji (2024); Lee & Rice (2007); Glass et al. (2014)
Fragmented Support Services	Weak coordination, cultural insensitivity, and difficulty accessing essential coping resources during crisis.	Depth (quality/ease of access) is a stronger predictor than breadth (number of services); fragmentation limits help-seeking and increases vulnerability.	Ersoy & Akçaoğlu (2025); Ra (2024); Andrade (2006); Ching (2022)

Discussion

This systematic synthesis reinforces the central role of institutional environments in shaping the acculturative stress trajectories of international students. Across diverse empirical studies, institutional factors consistently emerged not as peripheral influences but as structural determinants that actively shape students' psychological and adjustment outcomes. By integrating findings across heterogeneous contexts, this review advances a conceptual framework consisting of three interrelated pathways: the Structural Burden Pathway, the Protective Buffer Pathway, and the

Relational – Perceptual Pathway. These collectively explain how institutions either attenuate or exacerbate acculturative stress.

The Structural Burden Pathway captures how ambiguity, bureaucratic complexity, and fragmented service infrastructures create direct barriers to student adjustment. Prior research has similarly shown that unclear academic expectations and opaque administrative procedures heighten uncertainty and emotional strain among international students [9; 11, p. 496-508]. As this review demonstrates, institutional structures lacking predictability or coherence function not merely as inefficiencies but as chronic stressors embedded within students' daily academic lives. These findings align with broader evidence in higher education indicating that procedural clarity is a foundational condition for positive student adaptation [7; 21, p. 119-140].

The Protective Buffer Pathway highlights the powerful moderating role of institutional support systems. Students who perceive their institutions as responsive, coordinated, and adequately resourced consistently report lower acculturative stress [9]. Notably, emerging longitudinal evidence suggests that institutional support not only mitigates stress at a single time point but also predicts improvements in well-being and adjustment over time [5; 16, p. 3882-3888]. This pathway positions institutional support as a structural determinant rather than an auxiliary resource, capable of reshaping stress trajectories in ways individual-level coping cannot fully compensate for.

Finally, the Relational – Perceptual Pathway underscores the interpretive dimension of students' experiences. Students form judgments about institutional intent based on relational cues involving clarity, inclusivity, fairness, and staff responsiveness. Positive cues foster predictability, competence, and belonging, whereas perceived indifference or inconsistency is interpreted as a relational failure that intensifies stress [7; 24, p. 427-447]. This pathway reinforces the growing consensus that international students' adjustment is profoundly shaped by the implicit and explicit messages institutions convey about their legitimacy, value, and place within the academic community.

Overall, these findings position institutions not as neutral backdrops but as active agents in the acculturation process, capable of producing or reducing stress through structural design and relational engagement. This expanded conceptualization contributes to the literature by articulating how institutional mechanisms operate and suggesting theoretically grounded pathways for future interventions, addressing a key gap in prior research that often framed institutions as passive contexts rather than dynamic influencers.

Despite this contribution, the present review has notable limitations that should be acknowledged. The scope was shaped by our focus on institution-related predictors of acculturative stress, with search strategies guided by keywords such as “institutional factors,” “international students,” “acculturative stress,” and “support services.” This targeted approach produced a focused but relatively narrow body of literature, constraining the breadth of scholarship incorporated. Consequently, the evidence base represents only one segment of the broader research landscape on international student adjustment, and future reviews would benefit from expanding search terms to include constructs such as campus climate, bureaucratic stress, institutional trust, and cross-cultural competence. Incorporating literature from adjacent fields (e.g., migration studies, organizational psychology, multicultural counseling) may also further validate and refine the identified pathways.

Nevertheless, the systematic application of review procedures enabled the identification of core institutional mechanisms, structural, protective, and relational, that are theoretically plausible and empirically supported across included studies. By examining institutional determinants through an integrative, mechanism-focused lens, this study offers a novel theoretical perspective, laying essential groundwork for future empirical and intervention-driven research despite its limited scope.

Implications for Practice and Intervention

The conceptual pathways identified in this review point to several evidence-informed priorities for institutional practice. Because institutional structures and relational signals wield significant influence over students’ psychological well-being, intervention efforts must be systemic, coordinated, and theoretically guided.

1. Strengthen Structural Clarity and Procedural Efficiency

Institutions should prioritize the streamlining and standardization of student-facing processes across academic and administrative domains. Eliminating unnecessary bureaucratic complexity, ensuring consistent documentation, and providing proactive, multilingual communication can significantly reduce the Structural Burden associated with procedural uncertainty. Such reforms align with recommendations from organizational research emphasizing predictability as a core antecedent of academic adjustment [20, p. 145-162].

2. Enhance Relational Responsiveness Across Institutional Staff

Because students interpret staff interactions as proxies for institutional care, mandatory training in cultural competence, empathetic communication, and timely responsiveness is essential. This applies equally to faculty, advisors, frontline administrative staff, and leadership. Establishing institution-wide norms for relational engagement can mitigate the relational failures identified within the Relational – Perceptual Pathway.

3. Build Integrated and Well-Resourced Support Ecosystems

To maximize the Protective Buffer Pathway, support services must function collaboratively rather than in isolation. Institutions should create integrated referral systems, shared case-management structures, and proactive outreach programs spanning counseling, academic advising, international student services, and language support. Adequate funding, staffing, and cross-unit coordination are critical; fragmented or under-resourced support structures are functionally equivalent to absent ones in students' lived experience.

4. Cultivate Intentional and Visible Inclusivity

Institutions must implement campus-wide initiatives that actively affirm diverse cultural identities and promote authentic belonging. This includes visible diversity in leadership and curriculum, structured spaces for intercultural dialogue, and ongoing assessment of campus climate. An environment that signals inclusivity reinforces students' sense of legitimacy and mitigates the relational dimensions of acculturative stress.

Conclusion

This review set out to examine how institution-related factors contribute to acculturative stress among international students in higher education. By synthesizing empirical and review-based evidence, the findings demonstrate that institutional environments play a decisive role in shaping students' stress experiences, functioning not merely as contextual conditions but as active structural determinants within the acculturation process. Across diverse educational systems, ambiguous academic structures, inefficient administrative processes, inaccessible campus climates, and fragmented support services consistently emerged as sources of heightened acculturative stress, while coherent, responsive, and inclusive institutional practices served a protective function. The scientific value of this review lies in its integrative perspective, which consolidates heterogeneous findings into a coherent framework that clarifies how institutional mechanisms operate through structural, protective, and relational pathways. In doing so, the review shifts the analytical focus beyond individual coping toward the systemic conditions that enable or constrain successful adaptation.

Future research should build on this foundation by employing more consistent operational definitions of institutional factors and stronger methodological designs, including longitudinal and multi-level approaches. Such efforts are essential to further refine understanding of institutional predictors and to support the development of evidence-based strategies that promote equitable and sustainable adjustment for international students.

References

1. Andrade M.S. (2006). International students in English-speaking universities: Adjustment factors. *Journal of Research in International Education*, No. 5(2), P. 131-154.
2. Berry J.W. (2006). Stress perspectives on acculturation. In D.L. Sam & J.W. Berry (Eds.), *The Cambridge handbook of acculturation psychology*. Cambridge University Press, P. 43-57.
3. Bista K., Foster C. (Eds.). (2016). *International student mobility and opportunities for growth in the global marketplace*. IGI Global.
4. Choi S., Probst T. (2022). Academic ambiguity and psychological distress among international students: A systematic analysis. *Journal of International Student Wellbeing*, No. 4(2), P. 115-131.
5. Ersoy E., Akçaoğlu H. (2025). The interplay between social support, acculturative stress, perceived stress, and generalized anxiety among international students. *Current Psychology*.

6. Glass C.R., Wongtrirat R., Buus S. (2015). International student engagement: Strategies for creating inclusive, connected, and purposeful campus environments. Stylus.
7. Gyasi-Gyamerah K., Oppong Asante K., Tagoe T., Roman N.V. (2024). Examining acculturative stress among international students in Ghana using an interpretative phenomenological approach: Unpacking social support systems. *PLOS ONE*, 19(1), e0311123. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0311123>
8. Gyasi-Gyamerah K., Oppong Asante K., Roman N.V. (2025). Continental differences in international students' acculturative stress: Sources, social support, assertiveness, and self-efficacy. *Athens Journal of Psychology*, No. 1(2), P. 99-122.
9. Ibrahim Y. A., Mossaad M., Nassar M.S., Hassan N.A. (2024). Factors associated with acculturative stress among international medical students in an Egyptian university. *BMC Medical Education*.
10. Koo K., Baker I., Yoon J. (2021). The role of campus climate in international students' academic and psychological outcomes. *Journal of Diversity in Higher Education*, No. 14(1), P. 72-85.
11. Lashari S.A., Awang-Hashim R., Lashari T.A., Kaur A. (2023). Acculturation stress and social support for international students' adjustment in Malaysia: Does language proficiency matter? *Journal of Applied Research in Higher Education*, No. 15(2), P. 496-508.
12. Lee J.J., Rice C. (2020). Institutional interactions and the shaping of international student experiences. *The Review of Higher Education*, No. 44(1), P. 89-112.
13. Luo J., Jamieson-Drake D. (2015). Predictors of study abroad intention and participation. *Research in Higher Education*, No. 56(1), P. 29-56.
14. Mesidor J.K., Sly K.F. (2016). Factors that contribute to the adjustment of international students. *Journal of International Students*, No. 6(1), P. 262-282.
15. Poyrazli Ş., Lopez M.D. (2007). Psychological symptoms and socio-cultural adjustment among international students. *Journal of College Counseling*, No. 10(2), P. 79-89.
16. Ra Y.-A. (2024). Roles of social support on acculturative stress of Asian international students. *Current Psychology*, No. 43, P. 3882-3888.
17. Smith R.A., Khawaja N.G. (2011). A review of acculturation experiences of international students. *International Journal of Intercultural Relations*, No. 35(6), P. 699-713.
18. Sue D.W., Sue D. (2012). *Counseling the culturally diverse: Theory and practice* (6th ed.). Wiley.
19. Tinto V. (2012). *Completing college: Rethinking institutional action*. University of Chicago Press.
20. Torres-Arends I., Jacobsen M. (2024). Institutional communication, uncertainty, and acculturative stress among international students. *Journal of International Student Development*, No. 12(3), P. 145-162.
21. Torres-Arends I., Jacobsen M., Lang B., Sharma A. (2025). Negotiating cultural and contextual experiences: Exploring acculturative stress and coping strategies among international students in Canada. *Journal of International Students*, No. 15(9), P. 119-140.
22. Ward C., Bochner S., Furnham A. (2001). *The psychology of culture shock* (2nd ed.). Routledge.
23. Yeh C.J., Inose M. (2003). International students' reported English fluency, social support, and acculturative stress. *Counseling Psychology Quarterly*, No. 16(1), P. 15-28.
24. Zhao, Z., & Harji, M. B. (2024). Systematic review of global research on acculturation of international students (2003–2023). *Journal of International Students*, No. 14(3), P. 427-447.

ФОРМИРОВАНИЕ ЭЛЕМЕНТАРНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ У ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА ПОСРЕДСТВОМ ТЕХНОЛОГИИ «КРОССЕНС»

Кулик Елена Олеговна

воспитатель, МБДОУ ДС № 25 «Троицкий», Россия, г. Старый Оскол

Юрьева Наталья Юрьевна

воспитатель, МБДОУ ДС № 25 «Троицкий», Россия, г. Старый Оскол

Жердева Елена Николаевна

воспитатель, МБДОУ ДС № 25 «Троицкий», Россия, г. Старый Оскол

***Аннотация.** В статье рассматривается проблема формирования функциональной грамотности у детей дошкольного возраста в условиях современного образования, ориентированного на развитие инициативной, самостоятельной и социально адаптированной личности. Особое внимание уделяется финансовой грамотности как важному компоненту общей функциональной грамотности, формирование которой начинается уже в раннем возрасте. Обосновывается необходимость включения элементов экономического воспитания в образовательный процесс дошкольных организаций с учетом реального опыта детей и их повседневного взаимодействия с товарно-денежными отношениями.*

***Ключевые слова:** игра, метод «Кроссенс», головоломки, загадки и ребуса.*

Современное образование ставит перед собой амбициозную цель: воспитание функционально грамотной личности. Эта задача невероятно актуальна, особенно в контексте дошкольного образования. Ведь именно в этот период закладывается фундамент будущих успехов ребенка, формируются ключевые компетенции, необходимые для успешной адаптации в школе и дальнейшей жизни. Развитие функциональной грамотности – это не просто набор знаний, а способность активно и эффективно взаимодействовать с окружающим миром, проявлять инициативу, решать проблемы и принимать обоснованные решения. Это ключ к развитию самостоятельной, активной и гармонично развитой личности, способной к самореализации и успешной интеграции в общество. Ребенок, даже в дошкольном возрасте, ежедневно сталкивается с реальностью товарно-денежных отношений, слышит разговоры о ценах, покупках, расходах в семье. Игнорировать этот аспект – значит лишать ребенка важного инструмента для понимания мира. Поэтому, задача дошкольного образования – не просто познакомить ребенка с деньгами, а заложить фундамент

будущего финансового благополучия, воспитать ответственное отношение к ресурсам. В своей педагогической деятельности мы должны научить детей решать возникающие повседневные задачи. Инновационное образование актуализирует запрос на раскрытие творческого потенциала каждого ребенка, креативность, мобильность, инициативность. С целью пробуждения интереса к финансовой грамотности у детей и родителей мы подбираем игровые формы и методы, которые позволяют незаметно, без навязывания формировать трудолюбие, бережливость, честность, милосердие, взаимопомощь, а также развивать самостоятельность, инициативность, творчество. Наша цель найти такие формы и средства, разработать такие задания, которые помогут формировать у ребенка умения правильно мыслить, а также ориентировать на развитие речи и познавательной активности дошкольника, что тоже немаловажно на сегодняшний день.

Предлагаем рассмотреть продуктивный метод «Кроссенс», который можно назвать головоломкой нового поколения, соединяющей в себе лучшие качества сразу нескольких интеллектуальных развлечений: головоломки, загадки и ребуса.

Кроссенс - как метод развития познавательной инициативы, логического и творческого мышления. Этот метод был разработан Сергеем Фединым – писателем, педагогом, математиком и Владимиром Бусленко – доктором технических наук, художником и философом и впервые опубликован в 2002 году в журнале «Наука и жизнь». Слово «кроссенс» придумано авторами по аналогии со словом «кроссворд», которое в переводе с английского означает «пересечение слов», а кроссенс – означает «пересечение смыслов». Кроссенс представляет собой ассоциативную цепочку из девяти картинок, замкнутых в стандартное поле как для игры в «Крестики-нолики». Изображения расставлены таким образом, что каждая картинка имеет связь с другими, а центральная объединяет по смыслу сразу несколько картинок. Задача разгадывающего найти ассоциативную связь между соседними картинками. «Кроссенс» – это хороший способ не только найти связи между объектами (предметами) и

явлениями, но и углубить понимания детьми уже известных понятий и явлений. Дети раскрывают новые грани понимания привычных вещей, быстро запоминают материал, развивают логическое и творческое мышление. Очень важно научить детей думать, а не просто запоминать, вникать в суть информации и осмысливать её.

«Кроссенс» – современная игра для современного ребенка.

Различают разные виды кроссенса, по способу их прочтения. Формы «кроссенса» могут быть «солнышко», «улитка», «крест» и другие. Чтобы решить или прочитать, например, кроссенс-улитку двигаемся от верхнего левого изображения к изображению в центре – по улитке.

Кроссенс позволяет:

- упражнять детей в умении выделять и называть предметы, их признаки, состояния, действия, классифицировать и обобщать предметы, явления;
- развивать зрительное восприятие, логику, внимание, образное мышление;
- учить определять пространственные отношения символов, размещенных в таблице;
- учить составлять рассказы, перекодировать информацию употреблять в речи предложно - падежные конструкции;
- учить детей анализировать, объединять в пары, группы, целое, систематизировать предметы по основному и второстепенным признакам.

Применять его можно уже с младшего дошкольного возраста, предлагая детям короткие ассоциативные цепочки, постепенно усложняя их. Суть приема и его педагогическое значение это не меняет. Играть можно как с одним ребенком, так и с группой детей. Тематика кроссенса может быть разнообразная.

Для создания своего «кроссенса» можно использовать следующий алгоритм:

- выбрать тему «кроссенса»;
- подобрать 9 элементов по теме;

- найти ассоциативные связи между элементами;
- подобрать изображения, иллюстрирующие элементы;
- заменить прямые образы символическими;
- определить последовательность изображений.

Применение «кроссенса» имеет множество вариантов. Подобранные в определенной логике образы могут быть использованы на любом этапе работы с детьми:

- на стадии определения темы образовательной деятельности;
- для определения и постановки проблемы;
- для закрепления материала;
- как способ организации групповой работы (составление кроссенса на заданную тему из предложенных изображений);
- как творческая совместная работа родителей с детьми.

Предлагаем несколько тем «кроссенса» по формированию финансовой грамотности:

Кроссенс «Монеты, деньги»

В первом квадрате изображён Буратино, во втором кот Матроскин. Оба персонажа являются героями из мультфильмов. Кот Матроскин нашел клад.

Вопрос: что нарисовано в четвертом квадрате? (монеты, которые хранились в сундуке).

Монеты объединяют все четыре картинки, потому что Буратино был обладателем 5 золотых монет.

Кроссенс «Бюджет»

Каждая картинка имеет ассоциативную связь с центральной. Дети называют расходы семьи.

Покупка продуктов питания, одежды и обуви, бытовых принадлежностей, лекарства. Оплата коммунальных услуг. Расходы на транспорт. Оплата интернета и телефона. Расходы на развлечения.

Вопрос: чем родители рассчитываются за расходы семьи? (деньгами, которые они зарабатывают).

Кроссенс «Профессии»

Дети называют картинки, двигаясь вперёд по часовой стрелке и заканчивают на центральном квадрате.

На первой картинке – трава. На второй – коза, которая питается травой. На третьей – корова. Корова и коза домашнее животное, которая также, как и коза питается травой и даёт молоко. На четвёртой – машина «молоковоз» привозит молоко на молокозавод. На пятой – молокозавод. На молокозаводе молоко перерабатывают и получают разные молочные продукты. Молочные продукты поступают на прилавки магазинов. Где их покупают за деньги.

Вопрос: кому отдают деньги за покупку в магазине? (продавец, кассир).

Кроссенс «Экономика»

На первой картинке планета земля, на которой изображена синим цветом вода. Вода в наши дома поступает по водопроводным трубам. За пользование водой, родители рассчитываются деньгами.

Вопрос: что нужно делать, чтобы снизить расходы потребления водных ресурсов на земле и сэкономить семейный бюджет? (не лить воду попусту, открывать кран так, чтобы вода текла небольшой струйкой, не забывать закрывать кран).

В нашей педагогической практике мы активно используем разнообразные формы организации учебного процесса, включающие индивидуальную, групповую и совместную деятельность детей. Такой комплексный подход позволяет максимально эффективно учитывать индивидуальные особенности каждого ребенка и развивать его потенциал в полной мере. Наблюдения за детьми подготовительной группы показали значительный прогресс в развитии их когнитивных способностей. В частности, дети демонстрируют существенное улучшение в скорости и точности решения ребусов, а также в способности находить общие признаки и свойства различных предметов. Это говорит о повышении уровня их аналитических навыков и способности к обобщению. Наша главная задача – не просто заставить детей заучивать информацию, а научить их критическому мышлению, способности к глубокому анализу и

осмыслению получаемых данных. В этом контексте метод кроссенс (предполагаю, что это методика, направленная на установление связей между различными понятиями и явлениями) оказался исключительно эффективным инструментом. Он позволяет не только выявлять взаимосвязи между объектами и явлениями окружающего мира, но и способствует более глубокому пониманию уже известных детям понятий. Более того, метод кроссенс стимулирует развитие логического и творческого мышления у детей, позволяя им самостоятельно искать решения, выдвигать гипотезы и проверять их. Важно отметить, что применение метода кроссенс также способствует формированию у детей необходимой мотивации для повышения их финансовой грамотности. Дети становятся активными участниками образовательного процесса, превращаясь из пассивных слушателей в творцов и авторов собственного знания. Они учатся самостоятельно исследовать мир, ставить перед собой цели и достигать их, что является незаменимым условием для успешного обучения и развития личности в целом. В целом, наша работа направлена на гармоничное развитие интеллектуальных, творческих и личностных качеств детей, используя современные и эффективные методы обучения.

Литература

1. Алиева Т.Т. Экономика: жизнь и игра // Обруч. 1999 № 1. С. 3.
2. Атемаскина Ю.В. Богословец Л.Г., Современные педагогические технологии в ДОУ, – СПб.: ООО «Издательство «Детство-пресс», 2012 г.
3. Дошкольникам об экономике: пособие для педагогов учреждений, обеспечивающих получение дошкольного образования / Е.Н. Табих. – Минск: Выш. шк., 2007. – 48 с.: ил.
4. Шатских Н.В. Технология кроссенс, как средство развития креативности, логического мышления и творческих способностей обучающихся / Н.В. Шатских. – Текст: непосредственный // Образование и воспитание. – 2021. – № 2 (33). – С. 39-42.
5. Экономическое воспитание дошкольников: Примерная программа, перспективное планирование, конспекты занятий / Под.ред. Е.А. Курака. – М.: ТЦ СФЕРА, 2002. – 80 с.

Подписано в печать 03.04.2026. Гарнитура Times New Roman.
Формат 60×84/16. Усл. п. л. 6,97. Тираж 500 экз. Заказ № 2
ООО «ЭПИЦЕНТР»
308010, г. Белгород, пр-т Б. Хмельницкого, 135, офис 40
ООО «АПНИ», 308023, г. Белгород, пр-кт Богдана Хмельницкого, 135